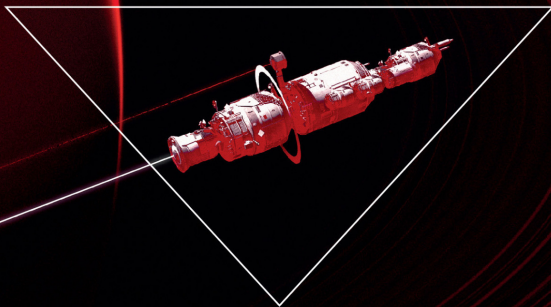

■ ДЕННИС
■ ■ ТЕЙЛОР

В С Е Л Е Н Н А Я Б О Б А

■ МЫ — ЛЕГИОН
МЫ — БОБ ■ ■ ■

fanzon

Деннис Тейлор
Мы – Легион. Мы – Боб
Серия «Fanzon. Наш выбор»
Серия «Вселенная Боба», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65404886
Мы – Легион. Мы – Боб: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-155364-7

Аннотация

Боб Йоханссон – инженер и фанат вселенной «Звездного пути» – заключает договор с криокомпанией, которая обязуется сохранить его мозг после смерти и подарить новую жизнь, когда наука достигнет достаточного прогресса. Но Боб и предположить не мог, в какой переделке окажется, очнувшись через 117 лет.

Америкой управляет религия, криокомпания обанкротилась и продала своих замороженных «клиентов» на аукционе. Теперь Боб – «репликант», копия, оцифрованная личность, не имеющая тела.

Чтобы не стать «мозгом мусоровоза», Боб на полную использует чувство юмора, знания и изобретательность. Боба должны загрузить в межзвездный исследовательский корабль. Его цель – космос

Содержание

Часть 1	4
1	4
2	21
3	36
4	45
5	48
6	56
7	61
8	69
9	78
10	82
11	88
12	92
13	105
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Деннис Тейлор

Мы – Легион. Мы – Боб

*Я бы хотел посвятить эту книгу своей жене
Блэйхин, которая понимает меня, но не убегает с
воплями из комнаты, а также моей дочери Тине,
которая сделала нашу семью единым целым.*

*«...меня вечно томит жажда познать
отдаленное. Я люблю плавать по заповедным водам
и высаживаться на диких берегах».*
Г. Мелвилл, «Моби Дик»

Часть 1

1

Боб, версия 1.0

– Значит, вы отрежете мне голову. – Я вопросительно посмотрел на продавца. Это была провокация. Я это знал, он это знал, я знал, что он это знает.

Продажник ухмыльнулся. Пока я и мой бумажник уделяем внимание ему, он с радостью мне подыграет.

– Мистер Йоханссон...

– Пожалуйста, зовите меня Боб. Вы же не с моим отцом разговариваете.

Менеджер по продажам из «КриоЭтерны» – судя по бейджику, его звали Кевин – кивнул и указал на большой плакат, на котором во всех жутких подробностях был представлен процесс криоконсервации. Я заметил, что на менеджере костюм от Армани, а его стрижка стоила долларов сто, не меньше. Похоже, крионика – выгодное дело.

– Боб, замораживать все тело целиком нет смысла. Не забывайте: суть в том, чтобы дождаться, пока медицина разовьется настолько, что сможет бороться с причиной вашей смерти. Когда медики смогут оживить ваш труп, у них, скорее всего, будет возможность вырастить для вас новое тело. Сделать это будет проще, чем латать старое.

Его слова настолько безумны, что, возможно, соответствуют истине.

– Ладно, Кевин, вы меня убедили. – Я посмотрел на бумаги, которые он разложил передо мной. – Аванс – десять тысяч, ежегодные взносы, страховка...

Кевин терпеливо ждал, давая мне возможность без помех вобрать в себя всю информацию. Может, свалившееся на меня богатство и вскружило мне голову, но я уже почти десять лет работаю инженером и владею собственной компанией, и накопленный опыт не позволяет мне действовать, пока я не ознакомился со всей документацией.

Наконец, удовлетворившись прочитанным, я поставил

свою подпись на документах, выписал чек и пожал руку Кевину.

– Теперь вы – клиент компании «КриоЭтерна, инк.», – сказал он, протягивая мне визитку. – Всегда храните ее в своем бумажнике. В случае вашей смерти с нами свяжутся. Как только вас объявят мертвым, мы...

– Вы меня обезглавите.

– Ага. И заморозим вашу голову на тот срок, за который медицина разовьется настолько, чтобы вас могли оживить. Рекомендации по созданию доверительного фонда приложены к информационному пакету. – Кевин протянул мне толстую голубую папку с еле заметным облачным узором и логотипом компании. – Все официальные документы мы распечатаем и отправим на ваш домашний адрес. Добро пожаловать в «КриоЭтерну». – Он протянул мне руку, и мы снова обменялись рукопожатием.

Я вышел из офиса «КриоЭтерны» и вприпрыжку помчался по коридору. Решение было принято еще до того, как я вошел в кабинет Кевина, я даже доверительный фонд уже создал, но Кевину ничего не сказал – зачем облегчать ему работу? Я все еще не мог решить – то ли это сейчас разумно вкладываю средства в собственное будущее, то ли потрясая тупо их транжирую. Да и какая разница, черт побери? Мою компанию, выпускающую программное обеспечение, «Терасофт» купил за такие деньги, что я обеспечен до конца своих дней, и даже дольше.

Не говоря уже о том, что теперь мой уровень жизни значительно повысится. На проходящий в Лас-Вегасе НФ-конвент «Вихрь» я приезжаю каждый год с момента его учреждения, но на этот раз – не вместе с разным сбродом, а как привилегированный гость. Здание, в котором проходил конвент, находилось в двух кварталах от офиса «КриоЭтерны», и по дороге я достал из кармана VIP-пропуск и надел его на шею. Этот пропуск, помимо всего прочего, давал мне доступ в комнату отдыха, возможность получить автограф без очереди, а также резервировал для меня место на конференциях. Такой же пропуск я купил для Дженни...

Ну вот. Я произнес имя Той-Которую-Нельзя-Называть и резко остановился посреди тротуара. Люди огибали меня, сердито поглядывая в мою сторону. Какой-то человек, одетый в костюм рыцаря-джедая, вполголоса выругался. Я глубоко задышал, пытаюсь справиться с панической атакой. На этот раз взять себя в руки удалось за несколько секунд. Ну да, что может быть лучше небольшой тренировки. Панические атаки по-прежнему накатывали на меня несколько раз в день, но сейчас мне уже было гораздо лучше, чем сразу после разрыва. Это как больной зуб: ты постоянно трогаешь его языком, хоть и знаешь, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Усилием воли я заставил мысли вернуться в обычную колею. Мне уже удалось воспользоваться VIP-пропуском: я «забил» себе место на двух идущих друг за другом семи-

нарах, и до начала первого оставалось менее пятнадцати минут. Одним из докладчиков на «Изучении галактики» был Лоренс Вьенн – популярный и плодовитый писатель, многие идеи которого легли в основу современной фантастики.

За пару минут я добрался до выставочного центра и нашел комнаты, где проходили семинары. Персонал уже рассадил «важных персон» и собирался впустить всех остальных, когда, задыхаясь, в коридоре появился я. Мельком взглянув на мой пропуск, человек, проверявший билеты, пропустил меня.

Место у прохода мне досталось по чистой случайности. Когда я влетел в комнату, какой-то человек прямо передо мной встал и направился к выходу, а я, не снижая скорости, опустил на освободившийся стул. Сидящая рядом женщина уставилась на меня. Должно быть, ей показалось, что тот, другой человек трансформировался прямо у нее на глазах.

Я уже приготовился слушать докладчика, как вдруг двери открыли, чтобы впустить в комнату простой народ. Люди хлынули в конференц-зал, и их поток не ослабевал, но персоналу в конце концов пришлось остановить его, чтобы не столкнуться с Гневом Пожарного Инспектора. Обычно в отелях Лас-Вегаса установлены хорошие кондиционеры – никто не хочет, чтобы клиенты страдали от духоты, но было ясно, что многие посетители конвента уже слишком долго не снимали свои костюмы. Я стал дышать через рот, надеясь, что в конце концов система вентиляции справится с возросшей

нагрузкой.

Как часто бывает на конвентах, об эстетике никто не беспокоился. Столы и стулья были стандартные, складывающиеся, а основную информацию о семинаре кто-то написал на белой лекционной доске – черным маркером, потому что найти цветной, наверное, слишком сложно.

Но на это никто не обращал внимания.

Модератор дискуссии – невысокий, упитанный чернокожий мужчина с навечно приклеенной к лицу улыбкой – попросил минутку внимания.

– Добрый день. Сегодня перед нами выступит Лоренс Вьенн... – Спонтанно начавшееся ликование заставило его сделать паузу. – Он поговорит о технологических и экономических предпосылках для запуска межзвездных зондов. Затем доктор Джеральд Карлайл... – новая волна ликования, – расскажет о биологии внеземных существ. Надеемся, это будет прекрасный семинар. Ну что ж, не будем тратить время зря... Встречайте мистера Вьенна!

Аплодисменты не смолкали в течение нескольких минут. Лоренс Вьенн терпеливо улыбался и время от времени приветственно махал рукой зрителям. Наконец в конференц-зале воцарилась тишина. Я устроился поудобнее, надеясь послушать интересный доклад.

Второй семинар оказался даже более ароматным, чем первый. Если бы не его тема, я бы оттуда свалил, но дискуссии, посвященные зондам фон Неймана, для меня, что для кота валерьянка.

Я понюхал свою одежду – проверить, не пропиталась ли она запахом конференц-зала, – и решил, что переодеваться перед обедом со своими работниками, которые вскоре превратятся в бывших работников, не стоит.

Покинув выставочный центр, я направился к ресторану, в котором мы договорились встретиться, и по дороге с ухмылкой наблюдал за разыгрывавшимся вокруг меня спектаклем. Научно-фантастические кони неизбежно переходят в уличные зрелища; вот и сейчас повсюду бродили имперские штурмовики, Чубакки и члены экипажа «Энтерпрайз». Толпы фанатов переходили улицу как по сигналу светофора, так и без него. Многие показывали друг другу «факи» и отправляли в эротические путешествия. Веселье было в самом разгаре. Рестораны были оккупированы фанатами, но официанты не жаловались, ведь ботаны оставляют хорошие чаевые. Говорят, что персонал казино, напротив, не радовался: оказалось, что те же самые ботаны разбираются в теории вероятностей.

Я добрался до ресторана целым и невредимым, и разыскал

СВОИХ.

* * *

– За «Терасофт»! – воскликнул Карл, поднимая бокал.

– За «Терасофт», – отозвались мы.

Карл, Карен и Алан были первыми, кого я взял на работу в «Интергейтор софтвер». Они упорно работали и терпеливо мирились с трудностями на ранних этапах, и в награду за преданность я сделал каждого из них акционером моей компании. Созданное мной приложение, связанное с инженерным проектированием и анализом, в конце концов стало лучшим в своей нише, и по уровню продаж мы значительно превосходили таких конкурентов, как «Терасофт».

А потом «Терасофт» предложил мне за компанию такую сумму, что у меня глаза на лоб полезли от удивления, и теперь мы все радовались свалившемуся на нашу голову.

Этим троим, возможно, все-таки придется зарабатывать себе на жизнь, но о выплатах по ипотеке и кредите за машину они уже могли не беспокоиться.

Я пригласил их провести неделю в Лас-Вегасе за мой счет. Я предлагал им и VIP-пропуска на конвент, но все, кроме Карла, ответили, что еще не совсем сошли с ума. Алан и Карен заявили, что собираются посмотреть все шоу, которые проходят в Лас-Вегасе, и, похоже, уже были близки к точке насыщения.

– Как дела, Боб? – спросил меня Карл.

– Неплохо. Утром подписал контракт с «КриоЭтерной»...

Карен негромко зарычала и отвернулась. Она могла ничего не говорить: раньше она уже вполне четко высказалась по данному вопросу.

Я вопросительно посмотрел на нее и продолжил:

– И только что побывал на двух очень интересных семинарах – «Изучение галактики» и «Проектирование зонда фон Неймана».

– Не, ну что это за тема? Инженеры, тоже мне! – рассмеялся Алан.

– Да, но как у тебя дела, Боб? – повторил Карл, сурово глядя на меня.

Карлу удавалось сложное дело – быть одновременно и моим сотрудником, и моим другом, и при этом не подлизываться. Мне захотелось притвориться, что я неправильно его понял, но потом я решил, что он заслуживает честного ответа.

– Мне гораздо лучше, Карл. Приступы теперь пару раз в день, не чаще. Возможно, скоро я приду в норму.

– Она – идиотка, – буркнула Карен. – Зря ты не воспользовался предложением своей матери.

Я невольно усмехнулся.

– Нет, Карен, моя мать не умеет организовывать покушения. По крайней мере, мне так кажется. – Я вытащил свой мобильник. – Кстати, она прислала мне эсэмэску. Позвоню ей, а то она от меня не отстанет. В этом отношении она –

настоящий терминатор.

– Значит, это у тебя гены такие! – воскликнул Карл.

Я изобразил, будто умираю от смеха. Карл как ни в чем не бывало ухмыльнулся в ответ и, немного выждав, небрежно махнул рукой и сменил тему:

– Ну, не важно. На конвент ты приехал, чтобы развеяться? И как тебе семинары?

Карен застонала. Я наклонился вперед и поставил локти на стол.

– Они очень интересные. Согласно теории доктора Карлайла, условия жизни на планетах с похожим климатом будут несильно отличаться – и, возможно, люди даже смогут к ним приспособиться. Панспермия, общее происхождение, все дела.

– Брехня.

– Нет, Алан, я серьезно. Он довольно аргументированно доказывал, что для жизни необходима одна и та же химическая база. Может, все будет не так прекрасно, как в «Звездном пути», но мы, вероятно, выживем и в совершенно чужих для нас экосистемах.

– Поживем – увидим, – ответил Алан. – А второй? Про космические зонды?

– Про зонды фон Неймана. Это автоматизированные зонды, которые размножаются, когда достигают очередной звездной системы. Оказывается, в сфере самовоспроизведения наниты уже прошлый век, а в моде 3D-принтеры.

Карл кивнул.

– Новые технологии снова опередили художественный вымысел.

– Стоп! Что?! – озадаченно воскликнул Алан.

Мы с Карлом снисходительно улыбнулись. Алан, хоть и работал программистом, от науки не фанател. Я пустился в объяснения, подкрепляя свои слова жестами.

– 3D-принтеры видел? Они печатают пластиковые детали, протезы, игрушки, да? – Алан кивнул, и я продолжил: – Теперь переведи все это на новый уровень. Представь, что они способны создавать атомы, один за другим, в соответствии с твоим планом. В принципе, ты можешь напечатать любой твердый объект.

– В том числе детали новых зондов, – добавил Карл, – используя все элементы, которые зонд найдет в звездной системе.

Алан бросил взгляд на меня.

– Думаешь, это сработает?

– Алан, в универе в качестве дополнительной специальности я выбрал физику, и поэтому данная теория кажется мне вполне правдоподобной. – Я отхлебнул пива и обвел взглядом остальных. – А инженеры...

– Ты реально хочешь заморозить свою голову? – вдруг спросила Карен.

Мы все посмотрели на нее.

– Начинается, – буркнул Алан.

Она бросила сердитый взгляд на него, затем повернулась ко мне.

– Когда тебя оживят – если тебя оживят, – все, кого ты знаешь, скорее всего, уже давно умрут.

– В том числе Дженни... – негромко добавил Алан.

Карен снова свирепо взглянула на него.

– Не важно. Все твои родственники уже умрут. Друзья умрут. Тебе это как, нормально?

Я посмотрел на нее, обдумывая ответ.

– Карен, ты же знаешь, я – гуманист. Никакой загробной жизни нет. Если я умру, у меня два варианта – воскрешение или небытие. Я готов рискнуть и выяснить, что ждет меня в будущем.

Взгляд Карен был недобрым, и она уже открыла рот, чтобы сказать какую-то резкость, но, к счастью, именно в этот момент официант принес наш заказ, и над столом поплыли ароматы гамбургеров, карамелизированного лука и жареной картошки. Когда тарелки расставили по столу, напряжение уже спало.

* * *

Оставляя за собой след из обуви и одежды, я побрел по номеру люкс. Он стоил чудовищных денег, но все расходы оправдывало наличие роскошной двуспальной кровати. К такой жизни легко привыкнуть. О да.

Я поставил будильник, чтобы не проспять весь день, и достал телефон. Если не позвонить маме, она действительно будет забрасывать меня эсэмэсками.

Два гудка, и я услышал ее голос.

– Привет, Роберт. Что, уже целый год прошел?

– Ха-ха. Привет, мам. Получил твое сообщение. Нет, я не хочу мочить как-бишь-ее, спасибо. Сейчас я на «Вихре» и отлично провожу время. Ну ладно, пока.

Она рассмеялась. Это была наша обычная игра. Я делал вид, что тороплюсь закончить разговор, но мы оба знали, что я останусь на линии столько, сколько нужно ей.

– У меня все хорошо, Роберт, спасибо, что спросил.

– А как дела у москитов?

– У них все в порядке. Они скучают по тебе, по твоей нежной скандинавской коже. А что, в Сан-Диего москитов нет?

– Есть, но меньше, чем в Миннесоте, мама. Можно сказать, что из-за них я и уехал.

– Хм. А ты как, сын? Мое предложение насчет как-бишь-ее-там все еще в силе. Мои кореша...

– Спасибо, но я не хочу навещать тебя в тюрьме. – Я вздохнул. Слушай, мам, люди изменяют. Это жизнь. А мы ведь еще не поженились. Было бы куда хуже узнать об этом после свадьбы. У меня все хорошо, честно.

Можно ли услышать недоверие? Моя мать не сказала ни слова. Возможно, я почувствовал это в ее дыхании. В любом случае я решил, что самое время сменить тему.

– Как там все поживают?

– У отца все хорошо. Он в мастерской, пытается починить наше ржавое корыто. Кстати, твои сестры заехали в гости. Они навещают свою старую больную мать, знаешь ли. Андреа делает мне знаки, что хотела бы над тобой немного поиздеваться.

– Ладно, дай ей трубку. Если кто-то выбьет у меня из-под ног мое огромное эго, станет только лучше.

Приглушенные переговоры, а затем:

– Привет, маленький брат.

– Я старше тебя.

– Я не это имела в виду.

Я улыбнулся, услышав ее голос. Андреа, Алейна и я были близки – насколько это вообще возможно для брата и сестер. Девочки были близнецами, но общего у них только то, что они родились в одно и то же время. Андреа выше Алейны на целых двенадцать дюймов, и даже я ниже ее на дюйм, и она никогда не дает мне об этом забыть.

– Ну что, богач, как дела в Силиконовой долине? – Я слышал, что Андреа улыбается. Этот вопрос она задает мне с тех самых пор, как я уехал на запад.

– Она «Кремниевая», и она – там, где Фриско.

– Мне так сказали по каналу «Ти-Эм-Зи», так что от своих слов я не отказываюсь.

– О-о, попобольшу великую чувствую я...

Андреа рассмеялась. Мы еще несколько минут поболта-

ли – поприкалывались, рассказали друг другу самые свежие новости. Я попросил ее передать от меня привет Алейне и папе.

Какое счастье, что есть родственники. И какое счастье, что вас разделяет несколько тысяч миль. Когда все собирались дома одновременно, я выдерживал не более получаса, после чего сбегал в подвал. Минут через десять ко мне обычно присоединялся папа. Мы демонстративно закатывали глаза и, не говоря ни слова, садились читать или смотреть телевизор. Мы с отцом по своей природе были одиночками и могли часами находиться в одной комнате, не говоря друг другу ни слова. У моей матери от этого срывало крышу.

* * *

Спать я не собирался, и поэтому сигнал будильника стал для меня сюрпризом. Я вскочил с кровати, быстро собрался. Со своей командой я встречу за ужином, но до того мне хотелось провести время собственно на конвенте. «Вихрь» – это трехдневный сумасшедший дом, и я не хотел упустить ни единой минуты. Что за НФ-конвент, если тебя не сбили с ног косплееры персонажей «На краю Вселенной», если тебе не угрожал хотя бы один пьяный Дарт и если ты не купил дешевую киношную бутафорию по цене золотого слитка?!

Дверь лифта распахнулась, и я вышел в холл. Швейцар кивнул мне и открыл дверь. Как обычно, я не знал, нужно

ли дать ему на чай или нет. Я решил, что дам ему чаевые побольше перед отъездом.

Я вышел из отеля, и горячий воздух Лас-Вегаса ударил меня, словно молоток. Я остановился, пропуская компанию, состоявшую из нескольких членов экипажа «Энтерпрайза» и ференги¹, двух Чубакк и одного имперского штурмовика. Они были шумными, агрессивными и, видимо, уже напробо-вались созданными землянами алкогольных напитков. После короткой, маловразумительной дискуссии компания развернулась и как единое целое перешла улицу.

Я с улыбкой покачал головой, а затем прошел еще пятьдесят лишних футов, отделявших меня от перехода. Спешить мне, в общем, было некуда. Выходя на дорогу, я услышал поток оскорблений, гудков и визга шин, повернулся на шум, и перед глазами у меня все замедлилось. Компанию объехал автомобиль; водитель высунулся из окна и что-то сказал им. Он повернулся, увидел меня и широко раскрыл глаза от удивления. Завизжали шины; колеса автомобиля заклинило.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

У меня перед глазами вспыхнул свет, я почувствовал невообразимую боль...

¹ Ференги – вымышленная гуманоидная раса во вселенной научно-фантастического сериала «Звездный путь».

* * *

Я слышал голоса. Тревожные голоса, настойчиво называвшие какие-то коды. Кто-то на заднем плане заявил, что имеет право находиться здесь, говорил что-то про доверенность, последнюю волю и завещание. Другие голоса сердито отвечали. Спокойный голос – гораздо ближе ко мне – что-то сказал про время смерти...

Голоса стихли, свет погас, и мир перестал существовать.

2

Боб, версия 2.0

Я резко пришел в себя. Не было никакого переходного периода, ни обычной неопределенности, которая возникает после пробуждения. Я помнил, как автомобиль приближался ко мне, и это показалось мне странным. Я думал, что последние секунды должны забыться, так как у них нет времени, чтобы попасть в долговременную память. С другой стороны, может, последние секунды в самом деле забылись.

Я лежал не двигаясь, не открывая глаза, и занимался инвентаризацией самого себя. Боли я не чувствовал. Я вообще не ощущал свои руки, ноги и тело. В мой мозг не поступали никакие проприоцептивные сигналы, которые сообщили бы мне о том, лежу ли я, удобно ли мне, или еще что-нибудь. Не очень хороший признак. Наиболее вероятным вариантом мне представлялся полный паралич.

На меня накатила паника, которая мгновенно сменилась чем-то вроде озадаченности. Паника, казалось, была исключительно в моем сознании — я не ощущал ни учащенного дыхания, ни ускорившегося пульса, ни мышечных сокращений, связанных с реакцией «дерись-или-беги». Да, я склонен все анализировать, но в данном случае я действовал практически как вулканец.

Ух ты. Неужели у меня парализовано все, что ниже лба?

Может, я в искусственной коме? Если так, то это не очень хорошая искусственная кома.

Усилием воли я заставил себя открыть глаза.

По крайней мере, попытался. И тут я действительно запааниковал, ведь практически больше всего на свете я боялся ослепнуть. На несколько секунд мои мысли вышли из-под контроля. Я думал о фильмах, которые никогда не посмотрю, о книгах, которые не смогу прочесть.

Но паника снова не стала усиливать сама себя – ни прилива адреналина, ничего. Я не мог вспомнить ни одного заболевания, при котором такое могло произойти. Может, это какие-то медпрепараты.

Мне стало как-то жутковато – ну, то есть жуть смешалась с паникой. Я решил, что воздействие лекарств – неплохая рабочая гипотеза.

Твердо решив разобраться в ситуации, я решил сделать еще одну попытку. Я очень сильно подумал о том, чтобы открыть глаза, представил себе механику открывания глаз, возникающие при этом ощущения...

И вдруг, без какого-либо перехода, я смог видеть! Даже не могу подобрать слова, которые в полной мере описывают мое облегчение, связанное с этой небольшой победой.

Я, похоже, сидел, ведь смотрел я не в потолок, а на стену. Комната, в которой я находился, могла быть больничной палатой, или лабораторией, или любым безликим кабинетом в государственном учреждении. Стены были окрашены в тот

особый грязно-белый цвет, который особенно любят строители. В противоположной стене было большое окно, в данный момент закрытое... э-э... чем-то белым. Поначалу мне показалось, что это жалюзи, но потом я решил, что эта штука напечатана на стекле.

Я ожидал увидеть на переднем плане часть своего тела – возможно, под обычной больничной простыней. Но вместо простыни была просто ровная поверхность, словно у стола. Сразу за ней сидел мужчина, уставившийся на экран планшета. Этот мужчина выглядел – и нет, я не шучу – точно так, как большинство из нас представляет себе Зигмунда Фрейда. На нем даже был белый халат. *Нет, вряд ли он – психотерапевт, это было бы слишком банально. Может, он пришел, чтобы поговорить о моих травмах? Если моего пробуждения ждет психолог, значит, дела мои плохи.*

Но выглядел он как-то странно – рубашка почти как у священника, и его часы...

Немного подумав, я сообразил, что проблема заключается в перспективе. Комната казалась слишком глубокой и узкой, а «Фрейд», похоже, был шести футов толщиной. Более того, когда он повернул голову, его нос вытянулся на целый фут.

Изучая эту странную оптическую иллюзию, я услышал жужжание, и перспектива восстановилась. «Фрейд» посмотрел на меня и улыбнулся.

– А, вы очнулись. Отлично.

Я попытался ответить, но то, что из меня вырвалось, на-

поминало кашель или треск помех. *Черт побери, такие звуки мог бы издавать синтезатор голоса, который выходит из строя.*

«Фрейд» положил планшет, наклонился вперед и положил руки на «стол» – в общем, на ту поверхность, которая нас разделяла.

– Пожалуйста, не останавливайтесь. Возможно, интерфейс ГУППИ подцепится не с первого раза.

Я поразмыслил над его словами, и они сразу же заставили меня сделать три вывода. Пункт первый: я не умер. Ну, типа, я думаю, следовательно, я существую, и так далее и тому подобное. Будем считать, что это доказано. Пункт второй: я не стал «как новенький» – более того, я, похоже, говорю с помощью синтезатора голоса. Но управление им осуществляется силой мысли, а значит, пункт третий: с тех пор как меня сбила машина, технический прогресс значительно продвинулся вперед. Сколько времени я провел в отключке? И что это за интерфейс гуппи, черт побери?

Я попытался еще раз, сосредоточившись на формировании слов.

– Зз-жж-зз-жжж... Кто-нибудь объяснит жи-зз-жзс мне, что здесь происходит?

«Фрейд» хлопнул в ладоши.

– Великолепно! Боб, я – доктор Лэндерс. Я отвечу на все ваши вопросы и помогу вам подготовиться к новой жизни.

К новой жизни? А что не так со старой? Направление

этой беседы мне уже не нравится.

Доктор Лэндерс поставил планшет прямо перед собой.

– Итак, Боб, какое ваше последнее воспоминание?

– Автомобиль, который мчится прямо на меня. Я был уверен, что он в меня врежется. А сейчас я практически уверен, что так все и вышло.

– Верно, Боб. В больницу вас доставили в критическом состоянии, и прогнозы врачей были весьма пессимистическими. В соответствии с условиями вашего контракта с «Крио-Этерной» в момент смерти вас ждал криоконтейнер.

– Ну, значит, я не зря потратил деньги. И какой сейчас год?

Доктор Лэндерс рассмеялся.

– Приятно разговаривать с человеком, который все быстро схватывает. Сегодня 24 июня 2133 года, и мы находимся в Новом Гендельтауне, который в ваше время назывался Портленд.

Его слова меня удивили. *Значит, прошло... [117] лет. Стоп, а это откуда взялось?*

Я всегда легко считал в уме, но обычно мне, по крайней мере, пришлось бы выполнить все действия. А сейчас ответ пришел, словно кто-то шепнул его мне на ухо. *Хм. Расследовать позже. Добавить в список задач.*

Я снова сосредоточил внимание на враче. Теперь его рубашка не так меня удивляла: за сто с лишним лет мода могла измениться. Но мне очень хотелось получше разглядеть его

часы.

– Кто такой Гендель? – спросил я.

– О, Боб, давайте не забегать вперед. У меня уже подготовлен сценарий по введению кандидатов в суть дела. Уроки истории будут позже.

– А что стало со Старым Гендельтауном?

Доктор Лэндерс улыбнулся и покачал головой, притворяясь опечаленным.

Я со вздохом кивнул. Точнее, попытался кивнуть. Картинка у меня перед глазами не сдвинулась. Значит, я контролирую свои глаза, но не голову. Возможно, у меня что-то вроде «синдрома запертого человека».

Поэтому вместо кивка я хмыкнул.

– Ну ладно, тогда, может, поговорим о том, сколько во мне осталось от человека? Судя по тому, что во мне эта штука с искусственным голосом, вылечить меня вам не удалось. Насколько я борг? Стоит ли мне смотреть на себя в зеркало или это плохая мысль?

– О... – Доктор Лэндерс бросил взгляд на свой планшет, помедлил, а затем снова посмотрел на меня. – Сравнивать вас с боргом было бы некорректно. Судя по тому, что я знаю о «Звездном пути», они, по крайней мере отчасти, люди. Вы скорее Дейта.

Я уставился на него и смотрел на него целую вечность. В голове не было ни одной мысли. Я словно разучился думать. Наконец я вновь обрел дар речи.

– Жж-зз-жж-з... Что?

Я заметил – словно между прочим, – что у меня все еще не началась паническая атака. И мне вдруг показалось, что причину я знаю.

– Вы, Боб, то, что большинство людей назвали бы «искусственным интеллектом», хотя это и не вполне точное определение. Вы – копия разума Роберта Йоханссона; чтобы создать вас, его криогенно замороженный мозг просканировали на субклеточном уровне, а полученную информацию превратили в компьютерную симуляцию. Вы фактически компьютерная программа, которая считает себя Робертом Йоханссоном. Репликант.

– Значит, я бессмертен?

Доктор Лэндерс удивленно посмотрел на меня, а затем расхохотался.

– Такую реакцию я нечасто встречаю! Кажется, фазу отрицания вы проскочили. Я все больше и больше радуюсь тому, что мы решили вас копировать.

– Ну, спасибо. Наверное. Значит, я... то есть Боб, еще жив? Или все еще мертв? Он все еще заморожен?

– Боюсь, что нет. – Доктор Лэндерс нервно заерзал в кресле. – Процесс записи приводит к разрушению исходника. Мозг нужно разморозить настолько, чтобы появилась возможность измерить синаптические потенциалы, но так, чтобы при этом не образовались кристаллы льда. В процессе участвуют вещества, которые делают мозг нежизнеспособ-

ным. Снова замораживать его не имеет смысла.

Слова доктора Лэндерса поразили меня, словно молния, словно удар током. Я превратился в компьютерную программу, и меня не должен был беспокоить тот факт, что исходный Боб умер, но почему-то мысль, что я – все, что осталось от него, ранила, словно нож. Меня – Боба – *выбросили на помойку*.

– Но... но это значит, что вы меня убили!

Доктор вздохнул.

– Ну что ж, пора переходить к уроку истории. – Он удобнее устроился на стуле и устремил взор куда-то вдаль, как делают люди, которые читают лекцию. – В 2036 году президентом США стал эксцентричный фундаменталист по имени Эндрю Гендель. Да, тот самый Гендель. Он не был ни опытным политиком, ни успешным бизнесменом; его номинировали и избрали исключительно благодаря его религиозным воззрениям. Придя к власти, он попытался запретить всем, кроме христиан, занимать государственные должности, и кроме того, он хотел убрать из конституции пункт об отделении церкви от государства. И, разумеется, старался назначить на ключевые посты как можно больше своих сторонников – в некоторых случаях пренебрегая законами и процедурами. Гендель и его сторонники-ультраправые проталкивали в парламенте свои законопроекты, совершенно не думая о последствиях, а когда его за это критиковали, он заявлял, что стоит за правое дело, и поэтому бог не допустит

его поражения. В конце концов в стране наступил экономический кризис, по сравнению с которым рецессия 2008 года – просто детский праздник в парке, и мощь США была подорвана.

Доктор Лэндерс рассеянно постучал по своему планшету. Было видно, что эту речь он уже выучил наизусть.

– На следующих выборах американцы избрали первого – и единственного – президента-атеиста, Десмонда Эхерна. В основном это была реакция на фарс, в который превратилось правление Генделя. Стоит ли говорить о том, что религиозные правые пришли в ярость, и в 2041 году им удалось осуществить государственный переворот. Так на свет появилась Великая Единая Религиозная Америка.

На то, чтобы сложить аббревиатуру, мне понадобилось не более миллисекунды. Я застонал.

– Сколько же они думали над этим названием?

Доктор Лэндерс нахмурился.

– В официальном курсе истории ни Эхерн, ни переворот вообще не упоминаются, а про Генделя говорится, что он победил на выборах, поскольку предложил создать теократию. И предупреждаю вас, Боб, критика правительства – это уголовное преступление, за которое полагается... э-э... *переоучение*. Но поскольку вы – машина, то вас просто выключат. Моя задача отчасти состоит в том, чтобы научить вас правильно мыслить, помочь вам стать хорошим слугой государства.

– А у вас проблем не будет? Некоторые ваши реплики звучат... недостаточно уважительно.

– Министерство правды, которое финансирует данный проект, настроено на удивление прагматично. Ему нужны результаты. Оно заверило нас, что не будет вмешиваться, пока мы выполняем свои обязательства по контракту. – Доктор нахмурился. – Но если сюда приезжают чиновники из других министерств, то мы стараемся соблюдать предельную осторожность.

– Ясно. И что я буду делать в роли хорошего слуги государства – водить мусоровоз?

– А, ну да... Видите ли, как только новые теократы пришли к власти, они заявили, что криогенные комплексы – это святотатство, а трупольдышки – мертвецы. Теократы конфисковали имущество клиентов – финансовые инструменты, которые те создали, чтобы платить за долговременное хранение. И, наконец, они продали с аукциона имущество компаний, которые занимались заморозкой, в том числе замороженных клиентов, не обладающих правоспособностью.

– Они продали нас с аукциона? Но если они такие приверженцы религии, разве они не должны были нас похоронить? Нет, я не призываю сделать это прямо сейчас...

На секунду лицо доктора Лэндерса перекосило от злости.

– А в ваше время теологи вели себя только логично и последовательно?

– Да, вы правы. – Я обдумал слова доктора. – Значит, я –

чья-то собственность?

– На самом деле вы принадлежите «Прикладной синергетике» – компании, в которой я работаю. Она ведет своего рода соревнование с «Тотальными киберсистемами» за право поставлять обществу роботов-слуг. Мы пытаемся интегрировать репликантов в полезную технику, а ТКС создает искусственные машинные интеллекты – ИМИ – с нуля.

Я усмехнулся. По крайней мере, попытался. Звуки, которые вырвались из синтезатора голоса, сильно отличались от того, на что я рассчитывал.

Доктор Лэндерс поморщился.

– Не волнуйтесь, все наладится. К концу нашего занятия ваш голос будет неотличим от человеческого. А теперь я отвечу на ваш невысказанный, но очевидный вопрос: в данный момент ИМИ разрешено использовать только для выполнения очень, очень простых задач с невысоким уровнем риска или с тщательным контролем. Несколько лет назад управляемая ИМИ-техника занималась уничтожением паразитов в торговом центре. У нее начался психотический срыв, и она решила, что люди относятся к группе целей. К тому моменту, когда устройства удалось отключить, десятки посетителей пострадали, а несколько даже погибли.

Я снова усмехнулся, и на этот раз мой смех уже не так напоминал звуки принтера, в котором застряла бумага.

– С другой стороны, – продолжал доктор Лэндерс, – репликанты занимаются несколькими делами одновременно

ничуть не лучше, чем при жизни. Поэтому мы встраиваем в них интерфейс ГУППИ, чтобы сгружать часть задач на него. Кроме того, четверо из пяти репликантов сходят с ума, узнав о том, что с ними сделали. – Он холодно посмотрел куда-то в мою сторону. – Не говоря уже о том, что большинство замороженных были богачами, и им не очень нравится мысль о том, что в новой жизни они оказались в кабальном рабстве.

Я представил себе, как бывший директор крупной компании становится водителем мусоровоза, и расхохотался.

– ...Поэтому найти подходящего репликанта на ту или иную вакансию нелегко. Кроме того, определенный процент из них позднее все равно теряет рассудок.

Слова Лэндерса меня отрезвили. У меня возникло скверное предчувствие: возможно, в данную конкретную бездну я загляну чуть позже, но прямо сейчас мне казалось, что все это происходит с кем-то другим. Где-то на периферии крутились мысли об индивидуальности и существовании души, но усилием воли я прогнал их.

– Док, восемьдесят процентов брака – это отстой. Как вы до сих пор не разорились?

– Одного успешного репликанта, Боб, можно установить в несколько машин. Например, большей частью горнодобывающего оборудования в наше время управляет некто Рудольф Казини, который в прошлой жизни сам был шахтером. Здесь главное – сделать так, чтобы темперамент соответствовал задаче. – Доктор немного помедлил, а затем добавил: – И, ра-

зумеется, мы культивируем сразу нескольких кандидатов.

Я попытался удивленно поднять свои несуществующие брови – и, разумеется, это ни к чему не привело.

– Значит, я участвую в соревновании?

– Ну... И да, и нет. Для этого проекта мы активировали пятерых кандидатов. По статистике, четверо из них сойдут с ума и будут стерты. Если сразу несколько кандидатов пройдут обучение и сохранят ясность рассудка, тогда нам действительно придется выбирать, ведь нам нужен только один репликант.

– А проигравший?

Доктор Лэндерс пожал плечами.

– Мусоровоз. Ну, или, быть может, его отправят на хранение – ждать другого подходящего случая.

Плохо. Очень плохо. Мне никогда особо не хотелось сойти с ума, но обмануть (более или менее) смерть, чтобы затем стать чернорабочим – это отстой. С другой стороны, мысль о том, что меня выключат, не нравилась мне еще больше. Похоже, что я участвую в соревновании, и ставки – для меня – высоки как никогда.

Другие кандидаты, вероятно, не меньше, чем я, могут справиться с любой задачей, связанной с данным проектом. Мне просто придется быть лучше их. И первый шаг на пути к победе – это сбор информации.

– К какой работе нас готовят?

– Сейчас, на ранних этапах, нет смысла обсуждать детали.

В лучшем случае они отвлекут вас от цели.

Так, тут облом.

– Тогда, может, расскажете мне о моих соперниках?

– Нет, Боб. В этом нет необходимости. Вы никогда с ними не встретитесь. Будет лучше, если вы не станете представлять их в виде людей.

Слова доктора Лэндерса показались мне холодными и циничными, но в них был смысл. Еще одна моя попытка добыть нужную информацию провалилась.

– Ладно. Следующий вопрос: почему мне не страшно? Ведь это же дичь! Я умер! Ну, то есть умер мой оригинал. Теперь я – компьютерная программа, имущество, так почему я не бегая по кругу, размахивая руками? Самую очевидную причину можете не называть.

Доктор усмехнулся, но как-то невесело.

– Боб, мы не в силах изменить вас. Личность – эмерджентное свойство, и попытки модифицировать ее приводят к созданию... э-э... нежизнеспособных субъектов. Так что в данном случае либо все, либо ничего. Но мы можем управлять программами-симуляторами эндокринной системы. Паника зависит от системы обратной связи, в которой задействован адреналин; мы просто ограничиваем его поступление. Вы можете лишь испытывать серьезную обеспокоенность, скажем так, но панику, страх и гнев мы исключаем.

– И у вас все равно 80 % неудач? – Я попытался взмахнуть рукой. Я всегда сильно жестикулировал, и когда сейчас

мне это не удалось, я ощутил раздражение. – Скажите, а какие-нибудь конечности я получу? Вся эта бестелесность действует мне на нервы... э-э... на микросхемы. Ну, не важно.

Доктор Лэндерс кивнул.

– Боб, мне кажется, что сегодня мы очень далеко продвинулись. Вы, очевидно, были очень рациональным человеком и поэтому сейчас справляетесь гораздо лучше, чем я надеялся. Продолжим завтра. А я пока постараюсь раздобыть для вас периферийные устройства.

– Нет, подождите, я...

Боб, 25 июня 2133 г.

Я резко пришел в себя. Рубашка доктора Лэндерса – странная, словно у священника, – была другого цвета, из чего я заключил, что с момента нашей предыдущей встречи прошел как минимум один день. Доктор Лэндерс смотрел на планшет и только что начал переводить взгляд на меня.

Я проверил свою психику, поискал следы паники, безумия и даже серьезной обеспокоенности. Ощущения того, что я под кайфом, у меня не возникло. Под кайфом я *был*, например, когда мне выдирали зубы мудрости, и это состояние мне не понравилось. Кроме того, я никогда не любил опьянение и невозможность контролировать собственный разум.

В данном случае свои мысли я полностью контролировал и, более того, чувствовал, что нахожусь в прекрасной форме – как в те минуты, когда я входил в свой кабинет, отлично выспавшись. Мне казалось, что я могу справиться с любой проблемой, разобраться с любой головоломкой.

С другой стороны, мои родители и сестры давно умерли – так же, как Алан, Карен, Карл и все, кого я знал. Передо мной возник четкий образ Карен. Она стояла, сложив руки на груди, и сурово смотрела на меня. На ее лице буквально было написано: «Я тебя предупреждала!» Но мысли о родных и друзьях вызвали у меня только слабое сожаление – ско-

рее всего, из-за контроля над эндокринной системой. Именно это заставило меня почувствовать себя не вполне человеком.

Злиться на доктора Лэндерса я не мог. Никто не действовал злонамеренно, просто события шли логическим путем, и в итоге я превратился в компьютерную программу. И пока что у данного состояния были определенные преимущества. Если Боб умер – если его сбила машина, то я фактически получил еще одну жизнь – и притом потенциально бесконечную. Возможно, пока стоит плыть по течению. Если займу второе место, то всегда смогу заново оценить ситуацию. *Будь осторожен со своими желаниями.* Это уж точно.

Что еще есть у такой компьютерной программы, как я? Возможно, я могу общаться с этим интерфейсом гуппи.

Проверка систем. Квадратный корень из 234 215.

[483.957642]

Круто, черт побери. А функция «дата» у меня есть? Текущая дата.

[25-06-2133.08:42:24.235]

Йо-хо, я – Дейта. «Время в начале сигнала – восемь часов сорок три минуты. Би-и-ип».

Доктор Лэндерс удивленно посмотрел на меня, а затем рассмеялся.

– Боб, таких функций у вас много, вам просто нужно научиться ими пользоваться. Часть курса обучения посвящена именно этому.

По привычке я попытался кивнуть и с удивлением обнаружил, что поле видимости запрыгало.

– Эй, я управляю шеей!

Я повернул свою «голову» и выяснил, что могу вращать «картинку» на все триста шестьдесят градусов, словно сова. Никаких сюрпризов в комнате не оказалось. Мои предположения подтвердились: я действительно стоял *на столе*. Рядом со мной находился дистанционный манипулятор в виде руки – маленький и очень простой, по сравнению с промышленными моделями, всего лишь щипцы из двух пальцев, плечо, локоть и кистевой сустав. Я решил проверить, есть ли у меня доступ к этой штуке. Скорее всего, сегодня мы займемся именно ею.

Операция длилась целую вечность – хотя моя функция «дата/время» сказала, что прошло менее половины секунды – и наконец манипулятор задвигался, подчиняясь моей команде. Я помахал им в воздухе, щелкнул пинцетом, а затем снова повернулся к доктору Лэндерсу.

Доктор ошарашенно посмотрел на манипулятор. Его лицо медленно расплылось в улыбке. Он покачал головой и с иронией в голосе сказал:

– В ходе сегодняшней тренировки мы постараемся научить вас управлять рукой-манипулятором. – Он вздохнул. – Ну вот, теперь все расписание придется менять. Боб, пока что у вас все отлично получается, и поэтому тест с «бродягой» мы сдвинем вперед. Я планировал устроить несколь-

ко подготовительных занятий, а через неделю заняться им, но...

Доктор Лэндерс взял в руки планшет и нацелил на него палец.

О нет, только не это.

– Стойте! Нет, не делайте...

* * *

Я обнаружил себя в другой комнате, окрашенной в тот же грязно-белый цвет. К одной из стен была привинчена стойка, а на ней стояло несколько [32] механических устройств. Рядом с каждым из них горела красная лампочка. Прямо передо мной находился стол, а на нем – [128] кубики.

У противоположной стены, около окна, стоял доктор Лэндерс.

– Пожалуйста, прекратите так делать! – сказал я и попытался сурово взглянуть на него.

– Вы бы предпочли, чтобы я носил вас под мышкой? – Пару секунд доктор Лэндерс выдерживал невозмутимую мину, а затем улыбнулся. – На самом деле вы и остальные кандидаты обитаете в больших и дорогих кубах, набитых разной электроникой, которые надежно спрятаны в другом, хорошо проветриваемом помещении. Я просто включаю ваши периферийные функции то в одной комнате, то в другой. Здесь вы – стереоскопическая камера на механической руке.

Он сделал паузу, давая мне шанс ответить, но сейчас сказать мне было нечего. Тогда доктор Лэндерс махнул рукой в сторону стойки.

– На полках стоят устройства для удаленного наблюдения и манипуляции, также известные как «бродяги». Ваша задача – класть кубики один на другой, используя максимальное количество «бродяг». Начнем с одного, чтобы вы могли привыкнуть.

Доктор Лэндерс поиграл со своим планшетом, и красная лампочка перед одним из устройств стала зеленой.

– «Бродяги» обладают низкоуровневым ИМИ и могут выполнять простые действия без активного надзора, однако не обладают свободой воли и нуждаются в руководстве. Пожалуйста, переместите «бродягу» на стол и поставьте несколько кубиков один на другой. Ваш ГУППИ обеспечит контакт с интерфейсом «бродяги» и при необходимости обратную связь.

Я пристально посмотрел на «бродягу» № 1.

[СТАТУС: Готов.]

Хорошее начало. Встань.

«Бродяга» встал. Он слегка напоминал паука шириной примерно восемь дюймов **[20 см при отсутствии ограничений]**. *Да заткнись ты!*

Я, как мог, осмотрел «бродягу» издали. *Интересно, как он должен двигать кубики? Я немного подожду. Ну?*

[Обратная связь отключена по просьбе пользова-

теля]

Я его обидел. Супер. Я сосредоточился на интерфейсе «бродяги». *Включить обратную связь.*

Мгновенно передо мной появились рисунки и схемы, и я завороченно на них уставился. «Бродяги» построены радиально-симметричными, то есть передней и задней частей у них нет. Восьми конечностям соответствуют восемь комплектов датчиков. Каждая конечность может быть ногой или (разделившись на три пальца) манипулятором. Кроме того, каждая нога обладает особой встроенной функцией. Некоторые ноги могут быть отвертками, шлифмашинами, сварочными аппаратами и различными резаками. Часть техники появилась совсем недавно. Один классный гаджет – это плазменный резак на магнитном управлении; его я мог бы классифицировать, как настоящий световой меч.

Как же переместить его на стол? Допрыгнуть он сможет? **[Вероятность нанесения ущерба машине: 40 %.]** Значит, нет.

А слезть? Нет, стоп. Я снова открыл чертежи. «Изменяемое поверхностное натяжение модуля». Я представил себе, как «бродяга» спускается по полке. В моей картинке выскочило окошко, позволяющее следить за происходящим глазами «бродяги». «Бродяга» пошел прямо вниз по стене, цепко держась за нее, а через несколько секунд уже забрался по ножке стола и вылез на столешницу.

Теперь у меня впервые появилась возможность осмотреть

настольного «себя». Глядя глазами «бродяги», я увидел механическую руку, похожую на ту, которой я научился управлять. К одному из концов руки были прикреплены две камеры, а между ними располагался маленький динамик. Скорее всего, из него доносился мой голос. Вот оно, мое новое лицо. Оно напомнило мне робота из фильма «Короткое замыкание». Я подвигал «головой» из стороны в сторону, и картинка «бродяги» показала движущуюся руку с раскачивающимися камерами. Я помахал одной из ног «бродяги» и увидел, как «бродяга» выполняет это действие.

Когда я увидел себя и себя, который видит себя, у меня закружилась голова от экзистенциального кризиса, поэтому я сосредоточился на кубиках. Это были обычные кубики – такие, какими дети играют с незапамятных времен. На половине их граней были выдавлены буквы и цифры, покрашенные в основные цвета, а на другой – вырезаны простые изображения. Я обратил внимание на то, что все изображения откровенно религиозного характера. Данный факт я добавил в свой список вопросов, требующих разъяснения.

«Бродягу» можно было не контролировать на каждом шагу, но ему требовались параметры выполнения задачи. Через несколько секунд он создал платформу из кубиков – 5 в ширину, 5 в длину. Затем я проинструктировал его, чтобы разместил на ней слой 4x4, сдвинул его в центр и повторил. «Бродяга» двигался с поразительной скоростью, и уже через несколько секунд он завершил строительство пирамиды.

Я перевел взгляд на доктора Лэндерса.

– Та-да-а-а.

Доктор кивнул и потыкал в свой планшет. На стойке с «бродягами» зажглись еще три зеленых огонька.

– Боб, пожалуйста, повторите. На этот раз с несколькими «бродягами».

В течение нескольких часов доктор Лэндерс придумывал для меня различные задачи, связанные с использованием различного числа «бродяг». Каждое упражнение имело очевидную цель – научить меня определенному навыку, и по ходу дела я все больше гордился своими новыми способностями.

Время от времени он давал мне новые материалы, в том числе нечто, похожее на конструктор «Меккано». «Бродяги» легко разбирались с каждым тестом. Мне просто нужно было назначать задачи, а «бродяги» быстро и эффективно их выполняли. За все утро произошел всего один сбой: я выдал недостаточно четкие инструкции, и в конце концов один «бродяга» швырнул другого через всю комнату. Да, я знаю, что ИМИ, по словам доктора, не обладают сознанием, но, клянусь – пострадавший «бродяга» после этого инцидента стал каким-то угрюмым.

В какой-то момент я заметил, что комната, в которой мы тренировались, полностью изолирована. В ней не было ни двери, ни вентиляционных труб, да и стекло в окне выглядело весьма толстым, а его рама – очень прочной. *Они боятся*

меня? Или «бродяг»? Еще один пункт в списке вопросов, которые требуют рассмотрения.

Боб, 15 июля 2133 г.

Я резко пришел в себя.

– Доктор Лэндерс, это мне уже сильно надоело.

– Извините, Боб, но правила требуют после занятий переводить репликантов в режим ожидания. Когда вы взаимодействуете со мной, вам кажется, что вы действуете с обычной человеческой скоростью, но если оставить вас наедине со своими мыслями, то вы поймете, что время для вас движется гораздо медленнее. Восемь часов могут стать для вас вечностью. У меня были репликанты, у которых еще вечером все было хорошо, а утром внезапно начинался психоз.

– Более того, за последние сутки мы потеряли одного из ваших соперников, – добавил он, глядя в пол. – Репликантка зациклилась, и вернуть ее в норму не удалось. Мы восстановили ее из резервной копии, но она снова сломалась в той же точке. Так что теперь вас четверо.

Я вздохнул и с легким удовлетворением отметил, что вздох похож на настоящий. Было очевидно, что, когда я включен, мне стараются дать как можно больше заданий и не оставляют времени на размышления. Вероятно, это – попытка защитить меня от безумия. Я со стыдом понял, что новость о другом репликанте скорее обрадовала меня, чем опечалила. *Одним конкурентом меньше.*

И да, я был благодарен доктору Лэндерсу за честность, но рано или поздно мне придется разбираться с экзистенциальным кризисом. И мне все еще нужно было время, чтобы оплакать родных.

– Жаль, что так вышло, – ответил я. – Но, полагаю, что со всеми нами обращаются одинаково, так что исключение проблему не решает. Может, вместо этого дадите мне интеллектуальные занятия? Как насчет самоподготовки? Может, дадите мне доступ к тому, во что превратился интернет? Мне бы хотелось увидеть, что я пропустил за последние сто с лишним... [117] *Я не спрашивал!*.. лет.

– А! Ну, интернета уже нет – по крайней мере, в нашей стране. Он слишком анархичный, его слишком сложно контролировать. Кроме того, в нем слишком много искушений, он подталкивает к неправильным мыслям и грехопадению. Однако у нас есть сетевые библиотеки, и по крайней мере часть исторических событий в них освещена относительно точно. Я постараюсь подключить вас к лучшим из них.

– А генеалогические архивы у вас есть? Возможно, кто-то из моих родных еще жив. Мне бы очень хотелось...

– Боб, наши правила этого не одобряют. В любом случае в ВЕРЕ информация по умолчанию не является доступной. Извините.

В ту минуту я порадовался тому, что у меня нет лица. Это – последний удар, отрезавший меня от человечества. Не только все мои ближайшие родственники умерли, но я к то-

му же не смогу разыскать их потомков. Теперь я был действительно по-настоящему одинок.

Затем сработал проклятый контроль над эндокринной системой, и моя хандра сменилась легкой грустью. Ого. Если я когда-нибудь получу контроль над своим железом и программами, то в первую очередь избавлюсь от этой штуки. Для горевания нужно горе, а у меня его отнимали.

Мне не нравилось быть чей-то собственностью. Прямо сейчас ничего сделать с этим я не мог, но если ситуация изменится, кое-какая корректировка неизбежна. А пока что я буду держать язык за зубами, буду слушать и учиться. Я стану славным, послушным роботом. Главное – сделать так, чтобы они ни о чем не беспокоились. И не сойти с ума. И победить в соревновании.

Ничего сложного.

Боб, 18 июля 2133 г.

Вздох.

– Доброе утро, доктор Лэндерс. Вы ведь ушли совсем недавно, да?

– Доброе утро, Боб...

Ой. Обычно доктор Лэндерс таким тоном не говорил. Я поиграл с настройками своих искусственных органов чувств и обнаружил, что могу изучать голоса с помощью анализа Фурье практически в режиме реального времени. Судя по голосу, сейчас доктор был сильно напряжен.

В моем поле зрения появился второй человек. Доктор Лэндерс указал на него.

– Боб, это старший проповедник Трэвис. Он хочет узнать, каких успехов ты добился.

Я понял, что он пытается мне сказать. Этот человек может меня отключить. Нужно действовать очень осторожно. Придется также придавить в себе склонность хохмить, поскольку его внешность казалась идеальной мишенью для шуток. Он напомнил мне старое изречение: «Стереотип – это обоснованная оценка при первой встрече». И этот человек был типичным старомодным священником, который пугает грешников геенной огненной. Он был высокий и настолько худой, что скулы и зубы, казалось, выступали наружу. Он выглядел

сердитым, даже когда улыбался.

– Доброе утро, проповедник Трэвис. Я в вашем распоряжении.

Ух ты, худшая в мире первая реплика.

– Доброе утро, репликант. Я здесь для того, чтобы оценить готовность тебя для задачи, которая есть слава Господа на сегодня и, в меньшей гораздо степени, царство наших духовных лидеров, Томас Гендель III.

Его акцент и исковерканная грамматика на миг ошеломили меня. Да, конечно, я перенесся на сто лет вперед, но доктор Лэндерс похож на человека, которого можно было встретить на улице в мое время. Правда, Лэндерс говорил, что специализируется на работе с репликантами. Возможно, в нее входила речевая подготовка.

– Ладно, валяйте, – сказал я.

Проповедник Трэвис недоуменно посмотрел на доктора Лэндерса.

Доктор Лэндерс пожал плечами.

– О, есть это двадцать первого века просторечие. Оно означает иметь все вопросы, которые вы желаете.

Проповедник Трэвис кивнул и снова повернулся ко мне.

– Полагаю, что изложение на текущем наречии не является первоочередной задачей, поскольку целевое назначение объекта.

Да что ж такое! Что это? Современная версия английского была слишком исковерканной, и я ничего не мог разо-

братъ. Ну ладно, может, у меня есть переводчик. Ведь даже в мое время мы пользовались «гугл-транслейтом». Я нырнул в библиотеку, через несколько миллисекунд нашел нужную программу и ввел в нее последнюю фразу проповедника.

«Полагаю, что обучение на текущем наречии не является первоочередной задачей, если учесть целевое назначение вещи».

Ох ты. Если бы у меня сохранились брови, то сейчас они полезли бы на лоб.

Проповедник посмотрел на меня. Или, возможно, в мою сторону. У меня возникло такое чувство, что он не говорит с кем-то, а обращается к микрофону. Я перенаправил диалог через программу-переводчик.

– Ты ходил в церковь, пока был жив?

Интересно, они отличают, когда я говорю правду, а когда вру? Доктор Лэндерс об этом не упоминал. Ну, лучшие меня поймут на вежливой лжи, чем услышат о моих воззрениях на религию.

– Иногда, проповедник Трэвис. В основном на Пасху и на Рождество. Семьи у меня не было, так что никто на меня не давил.

– Значит, детей нет?

– В общем... нет.

Если они есть, то я ничего о них не знаю. Ха! Да, это было бы очень к месту. Кретин.

– «В общем, нет»?

– Пока не завел, министр.

И теперь уже вряд они у меня будут.

Проповедник Трэвис кивнул.

Разговор продолжался в том же ключе еще несколько минут. Вопросы были определенно общей направленности. Кажется, проповедника в основном интересовало мое отношение к религии в целом. Я тщательно старался отвечать уважительно, не вступать в конфликт, создать впечатление того, что я умею работать в коллективе, и скрыть свое истинное отношение к вере в бога.

Проповедника Трэвиса, похоже, мои ответы удовлетворили. Он кивнул мне, попрощался с доктором Лэндерсом и ушел.

Доктор Лэндерс достал носовой платок и вытер им лоб.

– Черт побери, док. Ситуация была настолько опасной? Проповедник не показался мне особо воинственным.

– Боб, я точно не знаю. Он появился неожиданно, и я не успел подготовить вас или выяснить, на чьей он стороне.

– «На чьей он стороне»? В ВЕРЕ есть разные стороны?

– Вы же не думаете, что члены нашего правительства во всем согласны друг с другом? – сухо осведомился доктор Лэндерс. – В ВЕРЕ великое множество фракций и групп влияния. Возможно, их даже больше, чем в любом другом правительстве. Наверное, это просто им свойственно.

Доктор Лэндерс подтащил стул и сел.

– Кстати, проповедник Трэвис представляет Министер-

ство правды. Оно финансирует этот проект, так что его в какой-то степени можно считать нашим союзником.

– Министерство правды? Как правда связана с колонизацией?

– Министерство правды, разумеется, стремится распространять правду – самыми разными способами, – и поэтому его интересуют такие сферы, как военное дело, колонизация, дипломатия... – Лэндерс уставился в одну точку, тщательно подбирая слова. – Но есть и министерства, которые настроены против нас. Некоторые фракции считают, что все искусственные интеллекты, как ИМИ, так и репликанты – чудовища. Другие верят, что мы должны отказаться от всей техники, начиная с парового двигателя. И все они убеждены, что получили одобрение свыше. Стоит ли говорить, что в наших дебатах мало логики и много риторики, а в конфликтах велико число покушений и диверсий.

Поскольку излагать все это в таких подробностях я не просил, монолог Лэндерса стал для меня сюрпризом. Мне показалось, что для него это большая тема.

– Почему люди мирятся с подобной ситуацией? Это ведь похоже на одну из версий ада.

Доктор вздохнул.

– Когда я работаю с репликантами, у меня есть определенный карт-бланш, но если бы я повторил свои слова на улице или где-то еще, то меня немедленно отправили бы на переобучение. Оно фактически заключается в выработ-

ке оперантного условного рефлекса, подкрепленного прямой стимуляцией таламуса, миндалевидного тела и блуждающего нерва. После того как над тобой поработало Министерство правды, от одной неприемлемой мысли у тебя начинаются судороги. – Доктор Лэндерс встал. – Извините, что вывалил на вас столько негатива, Боб. Визиты чиновников из министерства – всегда травматичное событие, а в данном случае от вас, как и от других репликантов, зависит очень многое.

Хм. «От нас многое зависит» плохо сочетается с «водить мусоровоз». Интересно, когда он расскажет мне все?

Лэндерс взял со стола планшет.

– На сегодня я подготовил для вас тренировку в симуляторе. Мы отключим ваши реальные устройства ввода-вывода и создадим несколько интерфейсов виртуальной реальности. Кроме того, я добавлю доступ к библиотекам, о которых уже упоминал. Если станет тяжело, можете в любой момент выйти из симулятора, просто подав запрос на свой ГУППИ.

Доктор ткнул в планшет...

* * *

Я обнаружил, что парю в пустоте, и немедленно спросил у ГУППИ, какие интерфейсы мне доступны. ГУППИ прислал список аудио/видеоканалов, интерфейс управления ректором, интерфейс управления дорожным движением и ин-

терфейс управления параметрами среды. Кроме того, я обнаружил интерфейс для работы с библиотекой и отправил запрос относительно значения аббревиатуры «ГУППИ».

[Главный Универсальный Первичный Периферийный Интерфейс]

Отстой.

В описании задачи говорилось о том, что я управляю космической станцией. Любопытно! Уж не готовят ли меня к чему-то, связанному с космосом? Я осмотрелся, используя доступные каналы данных, и сравнил картинку с изображениями, найденными в библиотеке. Оказалось, что в симуляторе точно представлены реально существующие места. Я даже немного зауважал власти ВЕРЫ за то, что они вообще разрешили создание космических станций.

Эта станция, похоже, обслуживала военные и транспортные корабли. Никаких указаний на то, что здесь бывают туристы, я не нашел. Если бы кто-то занимался организацией космических турне и строил космические отели, это означало бы, что межпланетные перелеты – безопасное и обычное дело, из которого можно извлекать прибыль.

В библиотеке обнаружились ссылки на военные и научные станции, и даже на пару колоний на Луне и на Марсе. Что ж, это лучше, чем ничего, но за сто лет можно было добиться и чего-то большего.

Я отправил запрос относительно моего местоположения и обязанностей. По сценарию я должен был управлять энер-

госнабжением, транспортными потоками и условиями среды на космической станции, находящейся на геостационарной орбите. Я – инженер, и поэтому задание пришлось мне по душе.

Кроме того, у меня была кнопка «Выйти» – на тот случай, если понадобится прервать сценарий. Быстро выяснив, в чем заключаются требования ко мне, я определил параметры для каждого из них и поручил ГУППИ прервать меня, если что-нибудь выйдет за пределы нормы. Мне показалось, что аварийных ситуаций будет тонна.

Затем я с головой занырнул в библиотеку.

Боб, 19 июля 2133 г.

– Проклятье!

Доктор Лэндерс отшатнулся и удивленно посмотрел на меня.

– Проблемы, Боб?

– Простите, док. Я читал о современных стандартах электроинженерии, а вы выдернули меня на середине абзаца.

Доктор Лэндерс опустил взгляд на свой планшет и откашлялся.

– Ах да. Боб, вы провели в симуляторе два дня субъективного времени. За этот период, несмотря на все наши ухищрения, ни один параметр не вышел за установленные пределы. Я поражен этим результатом. Судя по журналам вашего ГУППИ, вы создали несколько интересных интерфейсов для мониторинга и скриптов. Наши люди, занимающиеся программами, прыгают от радости. Несколько из них даже попросили оставить им вашу копию.

– А это возможно?

– С технической точки зрения – да, конечно. Мы каждый вечер создаем резервный экземпляр. Если бы у нас была достаточно большая матрица, мы могли бы просто вас загрузить. – Доктор с шумом выдохнул и пожал плечами. – К сожалению, проект финансирует ВЕРА, и поэтому вы принад-

лежите ей. Так что нам приходится действовать в достаточно жестких рамках.

– Кстати, когда вы расскажете о том, к чему меня готовят? Доктор Лэндерс наклонил голову.

– Точнее, к чему готовят одного из вас. Есть еще один кандидат.

– Погодите, мы потеряли еще двоих? Когда?

– У одного несколько дней назад произошел психотический срыв, а другого проповедник Трэвис признал негодным.

– Ой. И что с ним стало?

– Его удалили. Если министерство сказала «нет», сохранять его нет смысла.

Ого. Даже доктор Лэндерс говорит об этом словно между прочим, а ведь они только что кого-то убили. Но я не должен давать волю чувствам. По крайней мере часть оценок будет субъективной, и я не хотел настроить кого-то против себя.

– Итак, окончательная цель всей этой тренировки...

– Подождите немного, Боб. Прямо сейчас мне хотелось бы поговорить о вашей прошлой жизни. Вы провели два дня субъективного времени в симуляции вообще без контактов с людьми и разозлились из-за того, что я вытащил вас оттуда. Возможно, это глупый вопрос, и все-таки: вы считаете себя одиночкой?

Я усмехнулся.

– Расскажу вам небольшую историю. Несколько лет назад вышел фильм под названием «Изгой». **[133 года назад.]** *Господи, ГУППИ, да заткнись ты.* – Слышали про него?

Доктор Лэндерс покачал головой.

– Моя работа отчасти заключается в том, чтобы изучать вашу эру и разбираться в ней, но я не в состоянии посмотреть каждый выпущенный фильм.

– Ну да, и к тому же отстоя среди них было немало. В общем, если разбираетесь в «Звездных войнах» и «Звездном пути», то и ладно. Итак, вернемся к «Изгою»... В двух словах: парень терпит кораблекрушение и четыре года проводит на необитаемом острове. Я смотрел этот фильм вместе со своей девушкой, и она сказала, что для нее это просто кошмар. Меня ее слова удивили, потому что для меня это фантазия, несбыточная мечта – четыре года, когда тебя никто не прерывает. Конечно, было бы приятнее, если бы на острове нашлось что-нибудь почитать. – Я помахал манипулятором, надеясь, что это будет похоже на человеческий жест. – Я вот к чему клоню: именно тогда я понял, что думаю не так, как большинство людей. Я нормально отношусь к одиночеству и, более того, чувствую себя как на иголках, когда долго нахожусь в компании.

Доктор вздохнул, положил планшет и откинулся на спинку стула. Немного подумав, он подался вперед, положив руки на стол.

– Ну ладно, Боб. Примерно так я все себе и представлял,

но приятно, что вы подтвердили мою догадку. Итак, суть дела вот в чем: вы знаете, что такое зонд фон Неймана?

– Да, конечно. Это автоматический межзвездный зонд, который перелетает из одной системы в другую, где создает копии самого себя. – Наступила тишина, и мой мозг наконец догнал, что происходит. – Ой... Погодите, вы хотите сказать, что...

– Верно. Мы готовим вас к роли интеллекта, управляющего зондом фон Неймана.

* * *

По нескольким видеоканалам я следил за тем, как маленькие «бродяги» заново собирают 3D-принтер, который мне поручили продиагностировать и починить. «Бродяги», как оказалось, бывают разных размеров – от огромного паука-монстра восьми футов в диаметре до средних, к которым у меня уже был доступ, и самых мелких, не больше блохи. Были машины и еще меньше, наниты, но каждая из них обладала только одной функцией.

В данный момент я занимался координацией деятельности «бродяг» разных размеров. Ремонт 3D-принтера был лишь одним из порученных мне испытаний.

«Бродяги», получившие инструкции, практически не нуждались в контроле со стороны. Проблема заключалась в том, чтобы найти нужный уровень детализации инструкций:

если их было слишком мало, возникали ошибки, а если я занимался микроменеджментом, то скорость работы падала до нуля.

Если не стоять у них над душой, они действовали в десять раз быстрее, поэтому я старался выдать им план, а затем не путаться под ногами. Как только я научился задавать условия, при которых «бродяги» будут обращаться ко мне, даже активное наблюдение за ними стало необязательным.

Пока они работали, я предавался размышлениям. Как только доктор Лэндерс ввел меня в курс дела, он дал мне доступ к нескольким документам, связанным с проектом. Я не испытывал такого нетерпения с того самого дня, когда подписал бумаги о продаже компании «Терасофту». В тот день я чувствовал, как тянутся секунды, а теперь – миллисекунды. Мне хотелось, чтобы сегодняшняя тренировка наконец закончилась и я мог сосредоточиться на чтении. Маленький робот доктора теперь будет сотрудничать с огромным энтузиазмом. *О господи, ведь о подобной работе мечтает каждый ботан! Я отправлюсь к звездам!*

Боб, 25 июля 2133 г.

– Все летит к чертям. – Доктор Лэндерс выглядел необычайно рассерженным. – Фракции ВЕРЫ, которые хотят добиться закрытия проекта ПАРАДИЗ, пришли в ярость, когда мы объявили о том, что у нас есть подходящие кандидаты для него. Они объединились...

– Погодите. Проект ПАРАДИЗ?! Я даже боюсь спрашивать.

– «Полифункциональная Абиогенная Роботизированная Автосеть Долгосрочного Исследования Земель». Пожалуйста, не забывайте, что эти названия придумываю не я.

– Название, конечно, ужасное, но не самое плохое. И да, наверное, корабли действительно будут абиогенными. Но сеть? Сколько же их полетит?

Доктор Лэндерс уставился куда-то вдаль; вид у него был слегка пристыженный.

– Изначально репликантов было восемь, но затем их осталось четыре, а затем один, потому что бюджет сокращали или просто передавали выделенные средства другим проектам. Как я уже говорил, есть несколько групп, которые не хотят, чтобы мы добились успеха: кому-то не нравятся репликанты, кому-то – идея о космических полетах, третьи считают кощунством корабли, которые могут создавать копии са-

мих себя. И так далее. – Доктор вздохнул и нахмурился. – Кроме того, мы конкурируем с другими странами – такими, как Соединенные Штаты Евразии, – которые тоже хотят найти и колонизировать новые Земли. Многие граждане ВЕРЫ считают это напрасной тратой ресурсов. Но все эти группы объединяет одна цель – торпедировать наш проект. – Доктор Лэндерс встряхнулся и посмотрел на экран своего планшета. – Как мы и договаривались, я дал вам полный доступ к проекту и библиотекам. Подготовить вас – критически важная задача, и если вы как-то можете поспособствовать данному процессу, это будет... э-э... полезно. – Он встал и зашагал по комнате. – И еще, Боб: у групп влияния есть много причин желать того, чтобы проект сократился до одного корабля, но прежде всего потому, что один корабль – это удобная критическая точка.

– Саботаж?

– Вроде того. Конкретных доказательств у нас нет. Я просто подумал, что вам стоит об этом знать.

Не вступая в дальнейшие дискуссии, доктор забрал планшет и ушел.

* * *

После нашего разговора у меня возникло несколько вопросов к доктору. Возможность задать их у меня появилась после урока, посвященного управлению 3D-принтерами.

– Доктор, я хочу поговорить о политике.

Доктор Лэндерс рассмеялся.

– Ладно, Боб. Что у вас на повестке дня?

– Вы упоминали про Соединенные Штаты Евразии. Я почитал о текущей геополитической ситуации, и в мое время она была совсем другой. Название СШЕ какое-то слишком грандиозное. Оно же не распространяется на территорию всей Евразии.

– Да, но старое название США тоже не относилось ко всей Америке – и даже не ко всей *Северной* Америке.

Я пренебрежительно взмахнул манипулятором.

– Ладно, ладно. Судя по данным, которые я нашел в библиотеке, в мире произошла масштабная консолидация. ВЕРА контролирует всю Северную Америку, кроме штата Вашингтон, Британской Колумбии и Аляски. СШЕ занимают всю Европу и большую часть западной России. Китай поглотил почти всю восточную Россию и многие из бывших азиатских стран-сателлитов. А Ближний Восток... – Я оборвал фразу на полуслове.

– Неудивительно, что появление дешевого термоядерного синтеза оказало огромное влияние на Ближний Восток, – ответил доктор, лениво тыкая пальцем в планшет. – Богатые семейства – такие, как королевский род саудитов, – давно диверсифицировали свои вложения и поэтому не обнищали, но традиция финансирования государственных программ за счет доходов от экспорта нефти прервалась довольно вне-

запно. И в результате началось то, что некоторые паникеры упорно называли «Третьей мировой войной», хотя на самом деле для большинства стран это была не более чем серия локальных конфликтов. Но вот правительства стран Ближнего Востока устроили настоящую бойню, не обращая никакого внимания на принципы Женевской конвенции. Химическое оружие, распыление радиоактивных изотопов, «карманные» ядерные бомбы... Почти весь Ближний Восток по-прежнему не пригоден для жизни, а то, что от него осталось, не играет важной роли на мировой арене.

– Меня удивляют масштабы консолидации, – ответил я. – ВЕРА, СШЕ, Китай, Австралийская федерация, Республика Африка – невероятно смехотворное название – и Бразильская империя занимают около 80 % планеты. Остальное – маленькие страны, за которые нет смысла воевать – Ближний Восток, например, либо буферные государства, вроде Каскадии, на которые никто не решается напасть.

– Боб, у вас есть какой-то конкретный вопрос?

– Раз уж вы об этом заговорили, то да. – Я хотел улыбнуться, и меня снова разозлила скудность моего арсенала для выражения эмоций. – Сколько из этих государств занимаются созданием зондов?

– А... – Доктор Лэндерс неловко замялся. Похоже, мой вопрос попал точно в цель. – Нам известно о проектах СШЕ, Китая и Бразильской империи. Мы подозреваем, что подобный проект есть и у Австралии, но если это так, то австра-

лийцы очень хорошо его засекретили.

– То есть этим занимаются практически все.

Доктор пожал плечами.

– Как только ученые совершили открытия в теории подпространства, которые позволили изобрести двигатель «ВСПЛЕСК» и суддар, появилась возможность строить зонды фон Неймана, а также колонизировать планеты. Два года назад СШЕ с большой помпой начали свой проект по созданию межзвездных зондов, и всем остальным пришлось последовать их примеру. Нельзя же допустить, чтобы кто-то другой просто взял и без проблем колонизировал вселенную.

– Два года? Значит, все это – совсем новые проекты?

– Верно. Если не брать в расчет опытные образцы, то кораблей, оснащенных «ВСПЛЕСКом», очень мало.

Я помолчал, обдумывая услышанное. Значит, сейчас мы фактически проверяем концепцию.

Они даже не знают, будет ли зонд работать при перелете в другую звездную систему. Потрясающе.

– Но почему такая спешка? Это похоже на «лунную гонку», только на стероидах.

– Официально наша цель – дать возможность человечеству расселиться на других планетах, и, конечно, это вопрос национального престижа. Но отношения между странами напряженные, и ситуация не меняется уже несколько десятилетий. Межзвездные полеты считают игрой с нулевой суммой, и по большому счету так оно и есть. Каждая планета, на

которую мы заявим свои права, – это база, доступ к которой будет только у нас. Кроме того, за такой базой противник не сможет следить, и ее он не сможет атаковать. Эта гонка во многом связана с планами военных.

Как всегда. Есть в мире что-то неизменное.

– Но почему такой переполох? Звезд же миллиарды.

– Да, но в радиусе десяти световых лет есть лишь горстка звездных систем с пригодными для жизни планетами. Они, вне зависимости от всех остальных факторов, имеют самую большую стратегическую ценность.

– В таком случае, доктор, борьба между различными группировками внутри ВЕРЫ – не единственное, о чем мне следует беспокоиться.

– Боюсь, что так, Боб. – Доктор Лэндерс пожал плечами. – Отчасти поэтому «сжеживание» проекта «Парадиз» до одного корабля не встретило сильного сопротивления со стороны нашей компании. Да, это выгодно антиэкспансионистам, ведь у них остается всего одна цель, но мы тоже в выигрыше, ведь теперь мы можем сосредоточить наши усилия и ускорить работу.

– Расскажите мне о других проектах.

– Вы хотите сказать – то, что нам о них известно, – ухмыльнулся доктор Лэндерс. – Наши конкуренты, что неудивительно, столь же скупы на детали, как и мы.

Доктор стал возиться со своим планшетом. Я уже знал, что таким образом он просто пытается выиграть время и со-

браться с мыслями.

– Разведка сообщает, что в Китае работа идет головокружительными темпами. Они пожертвовали всем, чтобы выиграть в скорости. Мы полагаем, что китайцы, скорее всего, потерпят поражение уже на старте. – Доктор немного помолчал, постукивая по планшету пальцем. – Больше всего нас беспокоит Бразильская империя – и не только потому что проводит агрессивную внешнюю политику. Мы полагаем, что они вооружили свои зонды, чтобы ликвидировать конкурентов. Кроме того, они с большей вероятностью, чем другие, могут прибегнуть к саботажу. Но они вряд ли способны осуществить свои долгосрочные планы. Их зонды способны создавать свои копии, но бразильцы не хотят от них зависеть. Империя постарается побыстрее построить несколько зондов здесь, найти подходящую систему и увеличить там свое военное присутствие. Только после этого бразильские зонды размножатся.

Доктор Лэндерс вздохнул.

– Скорее всего, в долгосрочной перспективе нашим конкурентом станут США. Но они, по крайней мере, вряд ли прибегнут к насилию. У них есть воля, бюджет, современные технологии и опыт работы с репликантами. Кроме того, в данный момент они значительно опережают нас собственноручно в области колонизации. Если завтра кто-то найдет пригодную для жизни планету, колонисты США высадятся там первыми, значительно опередив всех остальных.

– Ух ты. А у нас хоть что-нибудь есть?

– Боб, у нас есть вы и еще один репликант. Не сбрасывайте это со счетов. Вы двое продемонстрировали удивительную стойкость и быстро адаптировались к новой реальности, вы умны и образованны, а это немало. Общаясь с другими репликантами, мы стремились найти флегматичного, ограниченного индивида, который был бы доволен рутинной, но вы и другие кандидаты заставили нас изменить тактику. Мы полагаем, что неожиданная смена направления в итоге сыграет важную роль.

– Ну ладно. Значит, пора обсудить прибавку к жалованью...

Доктор Лэндерс закатил глаза.

– Нужно приделать вам лицо, чтобы я знал, когда вы шутите.

Боб, 4 августа 2133 г.

Сегодня меня ждало новое развлечение: диагностика и ремонт сложного электронного прибора, похожего на те объекты, с которыми мне придется иметь дело на борту корабля. Как обычно, доктор Лэндерс наблюдал за моими действиями через окно. Во время этих упражнений он любил разговаривать со мной: мне казалось, что так он испытывает мою сосредоточенность и способность выполнять несколько задач одновременно. Я не возражал, поскольку наши беседы обычно были интересными и информативными.

Вдруг здание содрогнулось, и доктор Лэндерс упал. За этим немедленно последовало давление звуковой волны, которую я скорее ощущал, чем слышал.

По коридору разнеслось эхо выстрелов. Лэндерс вскочил, крикнул мне: «Никуда не уходите!» – и убежал.

Никуда не уходите? Несмотря на всю серьезность ситуации, меня вдруг поразила нелепость этой фразы. Добрый доктор, очевидно, был потрясен: он же сам говорил, что я не в этой комнате, а просто прикреплен к...

Привет...

На середине моего комедийного монолога я вдруг сообразил, что стекло частично выбило из рамы. Казалось, оно готово выпасть, и для этого его даже не придется сильно уго-

варивать. Никто же не упрекнет меня за то, что я решил сыграть более активную роль в защите проекта?

Я поручил «бродягам», которые находились в комнате, потянуть за стекло. «Бродяги» не обладали особенной силой, но здесь их было тридцать два. Через несколько секунд стекло с лязгом упало, оставив вмятину в полу.

Стекло не сломалось. Очень прочная штука. Да, они действительно меня боятся.

Я выбрал одного «бродягу» наугад и взял управление им на себя. Теперь я видел то, что снимает его видеокамера. Я приказал остальным «бродягам» следовать за мной, и мы двинулись по коридору туда, откуда доносилась стрельба. «Бродяги» бежали по полу, стенам и потолку. Это зрелище поразило меня до глубины душ. Да, люди ВЕРЫ хреново придумывают аббревиатуры, но техника у них неплохая.

У здания был интересный дизайн: оно состояло из цепочки больших и светлых атриумов или залов со стеклянными крышами, каждый из которых был окружен двумя этажами офисов или лабораторий. От одного атриума к другому вели короткие коридоры. Моя комната с «бродягами» находилась в атриуме по соседству с тем местом, где произошло нападение. Возможно, противник ошибся в расчетах.

Приступить к делу удалось всего через несколько секунд. Нападавшие в черном медленно переходили из одного кабинета в другой, стреляя на ходу. Охранники вели ответный огонь, но их было значительно меньше, и поэтому они были

вынуждены отступить.

Я не знал, кто на нас напал – одна из фракций ВЕРЫ, которой я не нравился, или одна из стран-конкурентов, но мне показалось, что противодействие должно быть равно действию.

На оценку ситуации ушло всего несколько миллисекунд (мне уже начало нравиться то, что я – компьютер), поэтому «бродяги», не сбавляя темпа, ворвались в атриум и набросились на врагов, целясь им в лицо и в пах.

«Бродяги» оказались удивительно живучими. Сколько бы раз нападавший ни отдира­л «бродягу» от своего лица, сколько бы раз ни бросал его в стену, «бродяга» просто вставал и шел за добавкой. В распоряжении «бродяг» имелись плоскогубцы, резак и отвертки – все эти штуки с формальной точки зрения не являлись оружием, но игнорировать их было сложно, к тому же мной управляли накопившиеся за месяц раздражение и тревога. Не знаю, действовал ли в тот момент контроль над эндокринной системой, но я в полной мере наслаждался возможностью кому-нибудь врезать.

Наконец нападавшие разработали стратегию: полностью очистив от «бродяг» одного из своих, они стали бросать эти машины в стену, а тот стрелял в них из автомата. Я быстро произвел подсчеты и выяснил, что «бродяги» у меня закончатся раньше, чем у них – боеприпасы. А теперь у них уже было два стрелка.

Однако охранники, получившие небольшую передышку,

собрались с силами и открыли перекрестный огонь. Несколько нападавших они уложили сразу, а остальным предложили сдаться. Теперь врагам приходилось иметь дело не только с «бродягами», которые вцеплялись им в лица, но и с обстрелом. Это стало последней каплей. Они сложили оружие и подняли руки.

Как только охранники связали оставшихся врагов, сложилась весьма неловкая ситуация. Старший охранник перевел взгляд с пленников на «бродяг», открыл рот, чтобы что-то сказать, затем закрыл его. Я помахал ногой «моего» «бродяги», чтобы привлечь его внимание.

– Ты, э-э... Плохо дело. Где Лэндерс? – Он удивленно взглянул на своих подчиненных.

Именно в этот момент в атриум – все еще с планшетом в руках – вбежал доктор Лэндерс. Он выглядел столь же встревоженным, как и охранники. Поскольку налет фактически закончился, значит, произошло что-то еще. Я вдруг понял, что меня они боятся больше, чем нападавших.

– Боб, не будете ли вы так любезны собрать своих подопечных и вернуться в зал для тренировок?..

Он мог меня деактивировать, так что о том, подчинюсь ли я или нет, речи не шло. Но беспокоились они зря: я – не кровожадный Франкенштейн, за которого они меня принимали.

Отсалютовав им с помощью «бродяг», я повел свою орду по коридору.

– Так, док, выкладывайте все начистоту. Что это за тема с усиленным стеклом? И почему вы дрожали, как мышь, когда я вышел на свободу?

Доктор Лэндерс, видимо, был хорошо воспитан, и поэтому не стал притворяться, будто не понимает меня.

– Мы – и под «мы» я имею в виду людей, которые участвуют в проекте, и в том числе себя самого, – боимся не вас, Боб, а тактической атомной бомбы, спрятанной в подвале, – сказал он, со вздохом откидываясь на спинку стула.

Если бы у меня еще сохранились брови, то сейчас они бы оторвались от головы.

– Чего-о-о?

– Вполне возможно, Боб, что наше собственное правительство, – по крайней мере представители определенных фракций, – представляет для вас большую опасность, чем зарубежные конкуренты. – Он чуть повернулся, чтобы посмотреть на меня, и махнул рукой. – Я уже говорил, что не все в верхних эшелонах власти поддерживают наш проект. Вероятно, я выразился слишком мягко.

На то, чтобы обдумать его слова, мне понадобилось около миллисекунды. *Ядерная бомба в подвале... ох.*

– Значит, все как в «Штамме Андромеда»?

Мои слова, похоже, привели доктора Лэндерса в замеша-

тельство, поэтому я помахал манипулятором.

– Не важно. Еще один старый фильм. То есть бомба – это последнее средство защиты? Чтобы я не вырвался и не напугал гражданских и скотину?

– Верно, Боб. И мне определенно придется сесть за просмотр старых фильмов.

– А у кого кнопка?

– Не знаю. Нам намеренно не сообщили о том, как за нами наблюдают, кто принимает решение, и как оно приводится в исполнение. Мы знаем одно: если кто-то где-то решит, что происходящее ему не нравится, мы все превратимся в радиоактивное облако. Без разговоров, без предупреждения.

– И вы на это согласились? Сколько же они вам платят?

Доктор Лэндерс рассмеялся.

– За успешное завершение проекта полагается значительная награда. Те, кто поддерживает его, выделили на него огромное количество средств. Лично мне полученной премии хватит на всю оставшуюся жизнь. – Он скорчил гримасу и вяло пожал плечами. – И, конечно, в ВЕРЕ согласие не требуется.

Я улыбнулся – мысленно, по крайней мере.

– Ясно. Ладно, отныне буду сидеть тихо.

Лэндерс обвел комнату руками.

– Раз уж мы еще сидим тут и беседуем, значит, опасность миновала. Кто-то либо отошел от монитора, либо решил, что вы не представляете особой опасности.

Доктор Лэндерс встал и осмотрел комнату. «Бродяги» — по крайней мере, те, которые остались, — были аккуратно расставлены по полкам. Рабочие уже вставили стекло обратно в раму и теперь прикручивали ее на место.

— Похоже, мы снова в рабочем режиме. У нас трое погибших и несколько раненых. Честное слово, все могло закончиться гораздо хуже.

В ответ я наклонил свои камеры.

В отдельном окне я смотрел на сцену, которая разворачивалась в другой части коридора.

* * *

«Бродяга» осторожно двигался по вентиляционной трубе. Маленькие роботы могли ступать очень легко, но за сто лет научно-технического прогресса человечество так и не изобрело для воздухопроводов материала лучше, чем оцинкованная жечь, а я не хотел, чтобы о приближении моего «бродяги» узнал весь комплекс.

Налетчики расстреляли моих «бродяг» так тщательно, что провести инвентаризацию было невозможно. Насколько я мог понять, никто не заметил, что по зданию гуляет неучтенный «бродяга».

Пока что мне удалось обнаружить большое число кабинетов, кафе, мастерские и склады. Программа трехмерного картирования создала схему офисного здания. Интересно,

что я не нашел ни атомной бомбы в подвале, ни изолированной зоны, где она могла бы находиться. Возможно, это был просто блеф.

Тем временем число комнат, где могли бы располагаться компьютеры, сократилось до двух.

Перемещая «бродягу» по воздухопроводу, я тщательно проверял, нет ли где камер видеонаблюдения, реле, инфракрасных лучей и других ловушек. «Бродяги» обладали весьма впечатляющим арсеналом способностей и трюков. Интересно, понимают ли техники ВЕРЫ, на что способны эти машины, если объединить все имеющиеся у них функции?

Наконец «бродяга» прибыл в одну из двух зон, которые на моей карте до сих пор были закрашены белым. И точно, в ней оказалась отдельная система вентиляции. Это, определенно, добрый знак. На то, чтобы выбраться из общего воздухопровода и проникнуть в изолированную систему, у меня ушло двадцать минут. Я двигался по ней осторожно, пока не дошел до вытяжной панели на стене комнаты.

Это был стандартный компьютерный зал. Кабели, мигающие лампочки, кондиционер, смонтированные на стойках компьютеры. Похоже, монтаж на стойках – даже сто лет спустя – оставался самым эффективным способом хранения компьютеров.

Но в центре комнаты находилось то, чего я никогда не видел. На невысокой платформе стояли в ряд пять кубов с гранями почти в полметра. От двух кубов исходило жуткова-

тое голубое свечение, а в их основании мигали разноцветные индикаторы. Три остальных куба были темными.

Я активировал кратность камеры и увеличил изображение панелей в основании кубов.

Кеннет Мартинс

Джиро Танака

Невес Рейнджер

Роберт Йоханссон

Жоана Алмейда

Вот оно. Это мы. Кандидаты. Сияющие кубы – это Кеннет и я. Три остальных кандидата – темные, выключенные. Похоже, что двухпозиционные выключатели – еще одна вещь, которая не изменилась за сто лет. Но, с другой стороны, сколько вариантов такого выключателя можно изобрести?

Мне показалось, что я смотрел на эту картину целую вечность. Прямо сейчас у меня есть шанс выключить Кеннета. Но будет ли от этого польза? Могу ли я устроить ему диверсию? И стоит ли это делать? Догадаются ли они?

Я устыдился, поняв, что именно я замышляю. Нет, таким человеком я не стану – даже в теории. Лучше пусть кто-то другой меня отключит, но по головам я не пойду.

С тяжелым сердцем я развернулся и ушел.

Боб, 6 августа 2133 г.

Я находился в комнате с «бродягами» и выполнял упражнение, как вдруг понял, что доктор Лэндерс не один. Он всегда стоял у окна, наблюдая за мной и разговаривая, и я лишь через несколько секунд понял, что бесконечный поток его комментариев остановился.

Я поручил одному из «бродяг» дать мне «картинку». Доктор Лэндерс беседовал с человеком, который вполне мог быть родным братом проповедника Трэвиса. Я серьезно. Может, подобная внешность входит в список требований к кандидату? ДОЛЖЕН ВЫГЛЯДЕТЬ КАК ЖУТКИЙ МАЛЫЙ ИЗ «ПОЛТЕРГЕЙСТА-2». Господи.

Доктор Лэндерс отключил систему внутренней связи, но тем самым лишь создал мне неудобство, которое было устранено через три миллисекунды. Дилетант.

Я направил «бродягу» к участку стены, который располагался непосредственно под окном. «Бродяга» прижался к стене и поэтому мог улавливать вибрации. Мне, правда, пришлось выкрутить усиление до максимума, но, с другой стороны, в моем распоряжении были все приемы фильтрации звука, изобретенные за двести лет существования электроники.

— Это все от лукавого. Участвуя в данном предприятии,

вы рискуете погубить свою бессмертную душу.

– Министерство правды считает иначе.

– Это – жалкая имитация божьих тварей, пародия на людей. Они лишь притворяются, будто способны мыслить и чувствовать.

– Министерство правды полагает, что, хотя у них и нет души, они просто созданы на основе божьих тварей, а не являются попыткой узурпировать власть господ.

Атмосфера внезапно стала нервной; наступила та особая тишина, которая сопровождает чей-то свирепый взгляд. Я приказал стоявшему на столе «бродяге» украдкой посмотреть в окно. Ага, так и есть. Свирепый взгляд.

– От этого богопротивного дела добра не будет. Особенно если учитывать его цель...

– Которая официально одобрена Министерством...

– Вероотступниками! Еретиками!

Еще один взгляд, и мои предположения подтвердились: доктор Лэндерс делал все, чтобы не закатить глаза к потолку. Я пожалел о том, что у меня такой возможности нет. У этого человека явно были не все дома.

Поток оскорблений не прекращался. В течение нескольких минут проповедник то распекал доктора Лэндерса, то угрожал ему, а тот тщательно воздерживался от споров и демонстрировал невиданное терпение. Окажись проповедник Крикун с моей стороны окна, я, скорее всего, попытался бы разобрать его на части.

Мне удалось сохранить объективность, и я решил, что буду считать этот поток оскорблений информацией, а не осуждением самого факта моего существования. Судя по словам проповедника, я либо был создан с помощью злых чар, либо являюсь порождением гордыни, равной которой не было со времен Вавилона.

Доктор Лэндерс послушал все это еще немного, а затем взорвался. Ну, как бы.

– Проповедник Джейкоби, я понимаю вашу точку зрения и чувствую вашу озабоченность. То есть я понимаю смысл ваших слов, но не более того. Однако Министерство правды не только поддерживает, но и активно финансирует данное предприятие, и – раз уж мы заговорили о святотатстве, – выступая против этого проекта, вы выступаете против министерства. А они утверждают, да вы и сами уже дважды заявили об этом, что ВЕРА – суть раскрытое нам и полученное нами напрямую Слово Божие. Разве ваше противодействие проекту – не святотатство?

Наступила тишина: возмущенный проповедник Крикун, похожий на рыбу, вытащенную из воды, отчаянно пытался выбраться из ловушки, в которую сам угодил.

– Не с теми людьми вы дружите, доктор. Скоро вы это поймете.

С этими словами он бросился вон из комнаты. Да, бросился. Честное слово.

Доктор Лэндерс закрыл глаза и прислонился к стене. Че-

рез несколько секунд он повернулся к окну и снова принялся тыкать в свой планшет.

– Все готово, Боб?

Нет, в его игру я играть не собирался.

– Что это за хмырь? Только не говорите, что это «проповедник Джейкоби».

Доктор Лэндерс потер лоб.

– Просто пример экстремальных взглядов, которые нужно учитывать нам, жителям этой великой страны. Боб, если бы он обладал реальной властью, то сейчас не пытался бы меня заstraщать. Не придавайте особого значения его угрозам.

Но это не значит, что от его угроз можно отмахнуться.

– А на будущее я запомню, что выключение интеркома вас, похоже, не останавливает, – с улыбкой добавил доктор. – Ну что, продолжим?

Он указал на стол, на котором лежало наполовину собранное устройство, и я вернулся к работе.

Боб, 10 августа 2133 г.

Я резко пришел в себя. Как обычно, сразу после пробуждения я выполнил проверку всех систем.

Погодите. 10 августа?

– Слушайте, док, я не могу досчитаться нескольких дней. Вы неделю меня в погребке держали, что ли?

Доктор Лэндерс смотрел куда угодно, но только не на меня.

– Ну... И да, и нет. Кто-то пронес в компьютерный зал небольшое взрывное устройство и уничтожил матрицы репликантов. Нам пришлось привезти сюда запасную машину и восстановить вас из архивных копий. На это ушло несколько дней.

Я умолк. Значит, я уже не тот самый Боб, который очнулся 24 июня. С другой стороны, даже тогда я не был тем самым Бобом, которого задавила машина. Есть ли у меня душа? Имеет ли значение то, что меня восстановили по копии?

Я вдруг понял, что уже более месяца существую в виде компьютерной программы, и за это время мне так и не удалось прийти к каким-то окончательным выводам относительно своего состояния. Слова «плыть по течению» стали кодовой фразой, обозначающей «отмахнуться от проблемы», но я знал, что у меня есть склонность отстраняться от

болезненных проблем. Доказательством тому стала Дженни.

Сыграло свою роль и то, что после тренировок меня отключали. Интересно, есть ли план у доктора Лэндерса, или он просто запустит меня в космос и будет надеяться на лучшее?

Меня беспокоили три вопроса. Есть ли у меня сознание? Могу ли я на самом деле считать себя живым? И остаюсь ли я по-прежнему Бобом? Философы занимались данной темой уже много веков, но теперь она стала для меня личной. Человек, какого бы мнения он ни придерживался по этому вопросу, мог рассчитывать на то, что он был и остается человеком. Но проповедник бесцеремонно, без раздумий называл меня «вещь» и «репликант», и только сейчас я начал понимать, какую боль мне причинили его слова.

Я вспомнил споры о тестах Тьюринга и мыслящих машинах. Неужели я – «китайская комната»² и ничего больше? Может, все мое поведение можно объяснить с помощью заранее подготовленных ответов на сигналы ввода? Устранить эту неопределенность было легче всего. У классической «китайской комнаты» не было внутреннего диалога, и на входящие сигналы она реагировала с помощью заранее подготовленных ответов. Даже если сделать ее поведение стохастиче-

² Китайская комната – мысленный эксперимент, описанный Джоном Сёрлем, в котором критикуется возможность моделирования человеческого понимания, в частности естественного языка, путем создания «искусственного интеллекта».

ским³, чтобы немного его разнообразить, «китайская комната» все равно работает только в ответ на входные сигналы, а если их нет, то она бездействует. Но поскольку сейчас я беспокоился об этом, то, значит, я отношусь к другой категории.

У Декарта, если на то пошло, было его знаменитое *Cogito ergo sum*, но Тома дополнил его своим: «Я сомневаюсь, следовательно, я думаю; я думаю, следовательно, я существую». Я определенно был полон сомнений, а они подразумевали самосознание и обеспокоенность будущим. Таким образом, я, пока не будет доказано обратное, сознательная сущность. Один вопрос решен.

Жив ли я? Хм. Никому еще не удалось дать строгое определение жизни, и, значит, разбираться с этим вопросом будет интересно. Как давным-давно заметил докладчик на том семинаре в Вегасе, огонь обладает большей частью признаков живого существа, но живым не является. По словам доктора Лэндерса, я смогу размножаться с помощью 3D-принтеров. Я реагирую на стимулы и действую, исходя из собственных интересов. Заявление о том, что жизнь должна быть на углеродной основе – это признак шовинизма и ограниченности, так что да, я могу считать себя живым.

А теперь – главный вопрос. Кто я? Я – Боб? Или Боб умер? Если рассматривать данную проблему с точки зрения инженерии, то с каким параметром связана боб-ность? Боб – не просто кусок мяса. Боб был человеком, а человек – это исто-

³ Стохастический – беспорядочный, непредсказуемый.

рия, это набор желаний, мыслей, целей и мнений. Боб объединял в себе все, чем Боб был за тридцать один год. Мясо умерло, но то, что отличало Боба от бурундука, продолжало жить. Во мне. Я – Боб. По крайней мере, я – самая важная часть того, из чего состоял Боб.

Последняя мысль сняла с моих плеч огромный груз. Наверное, именно так чувствует себя тот, кто услышал вердикт присяжных: «Не виновен».

Я снова обратил внимание на доктора: он повторял мое имя все более испуганным тоном. Я понял, что уже несколько секунд молчу.

– Эй, док. Я здесь.

– Слава богу. – Доктор Лэндерс рухнул на стул. – Вы затихли, и я решил, что у вас начался психоз.

Они уже вложили в меня много усилий – во всех нас, если честно, – поэтому его реакция была мне понятна. Я хотел улыбнуться ему, но, разумеется, тут меня ждал облом.

– Все нормально, док. Этот поезд ушел, а я все еще здесь.

Вдруг до меня дошел смысл его слов.

– Э-э, док, а сколько у вас запасных матриц?

– Только одна, Боб. Нам пришлось принять решение. Похоже, вас можно поздравить.

– Значит, Кеннета больше нет?

Доктор Лэндерс кивнул, а затем ахнул и, прищурясь, пристально посмотрел на меня. *А, черт. Минимизируй ущерб, Боб.*

Я выпалил первый вопрос, который пришел мне в голову.

– Так почему они решили напасть именно сейчас? Что-то изменилось?

– Информация о ваших успехах стала распространяться. Скорее всего, ее слила одна из группировок ВЕРЫ, чтобы вызвать реакцию одного из государств-конкурентов. По крайней мере, так говорят люди из нашего отдела безопасности.

Доктор все еще хмурился, но уже выглядел неуверенным. Нужно продолжать.

– Проклятье. А запуск скоро?

Доктор Лэндерс задумался. Нужно отвлекать его, пока он не забудет о моей маленькой оплошности. Он заглянул в свой планшет, неторопливо перелистнул несколько страниц.

– По текущему расписанию до него еще около месяца. Но дата может быть сдвинута вперед. Вы делаете успехи, и, возможно, мы сумеем выиграть немного времени.

Я снова попытался улыбнуться. Как обычно, ничего не произошло, поэтому я просто помахал манипулятором.

– Кстати, а как там моя прибавка к жалованью?

Доктор Лэндерс рассмеялся.

– Мы пытаемся пробить ее через отдел персонала. Это ведь правильный термин, да? – Он выдержал паузу, а затем сменил тему: – Сегодняшнее занятие окончено. Его результаты я зафиксировал.

Я – внутренне – облегченно вздохнул. Опасность мино-

вала. Если позднее моя реплика всплывет в памяти доктора Лэндерса, то, надеюсь, он усомнится в том, что правильно меня расслышал.

Доктор Лэндерс поднял палец, чтобы ткнуть им в планшет, помедлил, затем опустил руку. Немного помолчав, он вздохнул и посмотрел на меня.

– Боб, пожалуй, я рискну. Я перестану отключать вас в промежутках между занятиями и дам вам доступ к другим библиотекам. Каждую ночь вы будете погружаться в полусон на полчаса для резервного копирования, но в остальное время будете бодрствовать. Если вы все-таки сойдете с ума, мы восстановим вас из более раннего сохранения. Знаю, это может прозвучать жестоко, и за это я прошу у вас прощения. Но мы уже не можем позволить себе работать в расслабленном режиме. Нам придется максимально ускорить вашу подготовку.

В ответ я кивнул – точнее, махнул своими камерами. Очередная ситуация из серии «две новости – хорошая и плохая». У меня наконец-то появится время для размышлений, но из-за этого я могу спать. Йо-хо...

Боб, 15 августа 2133 г.

– Так что все-таки стало со Старым Гендельтауном?

Симпатичная блондинка за окном на секунду удивленно посмотрела на меня, а затем рассмеялась. Сегодня доктора Лэндерса заменяла доктор Доусетт, далеко не такая разговорчивая, как он. Я пытался завязать с ней беседу, но пока что с минимальным успехом.

Выглядела доктор Доусетт потрясно. Я с радостью обнаружил, что, несмотря на... Э-э... изменения в моем стиле жизни, я по-прежнему люблю красоту. Правда, теперь моя любовь не вызывала у меня, скажем так, столь сильного *напряжения*.

Доусетт говорила со стандартным акцентом XXII века, поэтому я пользовался своей программой-переводчиком. Я построил ее очень глубоко, и уже не замечал, что речь доктора Доусетт отличается от моей. По словам доктора Лэндерса, он специально учился работать с репликантами и изучал мою эпоху, а это означало, что в разговорах со мной он держал свой сленг под контролем. Доктор Доусетт либо прогуляла этот предмет, либо, по плану, вообще не должна была со мной общаться.

Лично я не считал это проблемой. Если доктор Лэндерс не против ее участия, то и я не возражаю. Я надеялся, что у

членов правительства тоже не начнется припадок, если они узнают об этом.

В общем, сегодня я руководил группой «бродяг», которые собирали, словно на конвейере, компоненты космического корабля. Рутину. Я уже написал столько сценариев для «бродяг», что мне самому уже почти ничего не приходилось делать. Но у людей из «Прикладной синергетики» был список, который нужно проработать, поэтому я должен был под него подстраиваться.

Доктор Доусетт посмотрела на свой планшет – да, планшеты были у всех, – а затем, удовлетворившись тем, что статус по-прежнему оставался кво, ответила на вопрос.

– Первый Гендельтаун – это родина Генделя. Салем, штат Орегон. Когда Гендель умер, город сменил название и построил большой мемориал в его честь. Одному человеку такое развитие событий не понравилось, и он решил уничтожить город с помощью «карманной» атомной бомбы.

– Атомной бомбы? На американской земле?

Она погрозила мне пальцем.

– Не-а. Это уже сто лет как не американская земля. Но да, это был первый и пока что единственный случай применения ядерного оружия в Северной Америке.

– Значит, Гендельтаун переехал в Портленд?

Доусетт кивнула.

– Много людей погибло?

– Меньше, чем вам кажется. В ходе конфликта на Ближ-

нем Востоке мы многое узнали о лечении лучевой болезни и получили возможность испытать разные методы ее лечения. Да, война – это смерть и ужас, но она значительно способствовала развитию медицины.

– Например, в области воскрешения репликантов?

– Например, в области воскрешения репликантов.

Я немного помолчал, наблюдая за «бродягами» на особенно сложном этапе сборки, чтобы направлять их. Как только они смогли продолжить работу самостоятельно, я снова повернулся к доктору Доусетт.

– Как это вообще – жить в теократии? Ежедневные молитвы у вас?

Доктор Доусетт подняла вверх палец – всеобщий жест «подождите минутку». Она несколько раз ткнула в свой планшет, а затем посмотрела на меня.

– Извините. Просто проверяла, где патрули. Часть из них, вероятно, служит в «Мониторах набожности».

Я рассмеялся.

– Значит, вы мониторите мониторов. Но как? Отслеживаете, где находятся их карточки-пропуска?

Доктор Доусетт улыбнулась в ответ.

– Мы должны выглядеть набожными, а на все остальное властям плевать. Но если будете про них болтать, вас отправят на занятие в Министерство Правильных Мыслей, и вы никогда его не забудете.

– М-м, да. Доктор Лэндерс о чем-то таком упоминал. Ну,

раз мы сейчас одни, позвольте вас вот о чем спросить: откуда вы знаете, что я буду делать то, что вам нужно, а не просто отправлюсь в случайно выбранном направлении? Поймите, мне очень нравится сама идея, и я на сто процентов настроен сотрудничать, но вы же этого не знали, когда оживляли меня.

Доктор Доусетт задумчиво посмотрела на экран планшета.

– Боб, у нас есть защита. Ваши программы проследят за тем, чтобы задачи были выполнены. Это все, что я хочу сказать по данному вопросу. Но, как вы сами заметили, для вас это не проблема.

Защита. Мое самое нелюбимое слово за сегодняшний день.

Интересный философский вопрос. Как вы должны себя чувствовать, если вас заставляют делать то, что вы готовы делать по доброй воле? Как все это сложится? Стану ли я беспомощной марионеткой, или буду думать, что сам принимаю решения? Я содрогнулся при мысли о том, что когда-нибудь это узнаю.

Боб, 17 августа 2133 г.

Я вышел на поверхность после [18 часов 26 минут] чтения книг в библиотеке и документации по проекту. Я догадался заранее настроить прерывание – на тот случай, если кто-то со мной заговорит.

Включив камеру, я увидел очень расстроенного доктора Лэндерса.

– Только что произошло еще одно нападение, – сказал он дрожащим голосом. – Кто-то пытался взорвать несколько критически важных компонентов. Это им не удалось, но четверо моих сотрудников погибли. Мы перебираемся в запасной оперативный центр. Как там у вас дела с чтением?

Последнее предложение было настолько не связано с темой разговора, что мне пришлось прокрутить в мозгу несколько последних секунд разговора и подумать, не пропустил ли я чего-нибудь.

– Э-э... нормально, док. А почему вы спрашиваете?

– Мы переносим запуск. Это означает, что последнюю часть знаний вам придется усвоить в полете, скажем так.

Вот черт.

– Ладно, док. Что вам от меня нужно?

– Я сбросил вам файл. Прочтите его немедленно, а затем мы создадим вашу архивную копию – уже с усвоенными зна-

ниями, выключим вас и физически переместим на корабль.

– Физически? Seriously? Вы никогда не слышали про ФТР?

– Данный метод сработал бы еще пару недель назад, но потом вас взорвали. Откуда, по-вашему, взялась запасная машина?

– Ой.

Они доставили матрицу с корабля? Это и была запасная копия?

– Боб, техника, связанная с репликантами, стоит дорого. Вы работали с теми самыми интерфейсами, которыми будете пользоваться в полете. До сих пор они были подключены к симуляторам. Пожалуйста, прочтите документ, сообщите об этом мне, и тогда мы начнем. – Доктор Лэндерс сел, положил руки на стол, сцепив пальцы, и посмотрел на меня.

* * *

Боб,

все разговоры, скорее всего, прослушиваются. Это – единственный безопасный способ передать вам информацию.

Очень велика вероятность того, что на борту «Парадиза-1» установлен механизм самоуничтожения. Снабжен ли он часовым механизмом или активируется извне, мы не знаем. Проект предусматривает

ограничения вашей способности изучать себя. По моему приказу команда отключила эти ограничения. Вы сможете изучить все – проводку, структуру, оборудование, программы. Ключи от вашей операционной системы перечислены в конце данного документа.

К сожалению, это также позволит вам обойти программы, которые мы встроили в ваш код, чтобы обеспечить выполнение задач, связанных с данным проектом. Я общался с вами и поэтому уверен, что вы исполните свой долг добровольно, ведь это в ваших интересах.

После отключения мы доставим вас на орбиту и установим в «Парадиз-1». Затем начнется обратный отсчет; в случае необходимости его можно игнорировать. Удачи и – хоть мне и неприятно это говорить – бог в помощь.

Доктор Лэндерс

К письму были прикреплены несколько приложений, в том числе краткое описание моей миссии, а также ключи доступа к оперативной системе. Я просмотрел все, пытаюсь найти в них какие-либо проблемы, а затем удалил оригиналы.

– Готово.

Доктор Лэндерс вздрогнул от удивления. Вероятно, я отсутствовал всего несколько миллисекунд. Он взял в руки планшет и ткнул в него пальцем.

* * *

Я проснулся в темноте. Я отправил запрос ГУППИ.

[ОТЧЕТ О СОСТОЯНИИ]

[Интерфейс термоядерного реактора: готов/в норме]

[Интерфейс инерционного двигателя: готов/в режиме ожидания]

[Генератор проточного двигателя: готов/в режиме ожидания]

[Системы связи и внешние датчики: готовы/в режиме ожидания]

[Внутренние системы: готовы/в норме]

[Производственные системы: неактивны/упакованы для перевозки]

[Системы «бродяги»/наниты: неактивны/упакованы для перевозки]

[Стартовые системы: готовы/запуск через 04:12:13]

Я подал запрос на внутренние системы и узнал, что в их число входят несколько библиотек внушительного объема, о существовании которых я даже не подозревал. Изучив стартовые системы, удостоверился в том, что в них заложен выбранный мной курс к Эпсилону Эридана. Любопытно. Скорее всего, правительство ВЕРЫ решило, что все остальные отправятся к альфе Центавра. Оружия у меня нет, а значит,

нет и шансов в противостоянии с несколькими противниками.

Я убедился в том, что могу полностью взять управление на себя, и в том числе отсоединить крюки, которыми я был прикреплен к космической станции. В памяти всплыли слова доктора Лэндерса о том, что обратный отсчет можно игнорировать. Может, просто взять и отчалить? Но если нет какой-то видимой угрозы, то все решат, что я вышел из-под контроля, и тогда все шишки посыплются на доктора Лэндерса. Он всегда был со мной честен, и я не хотел его подводить.

Я включил связь, и на меня сразу хлынули потоки звука из шести внешних аудиоканалов. Видеоканалы тоже были, но они работали менее активно. На экранах я увидел что-то похожее на просмотровые залы с рядами стульев. Вероятно, в момент запуска там будет сидеть публика.

Я увидел «Парадиз-1» и космическую станцию, к которой он пристыкован. Еще две камеры показывали центр управления полетом и VIP-ложу, практически пустую.

Я изучил корабль, в котором находился, точнее, корабль, в который я превратился. Это был модифицированный межпланетный грузовой корабль, который разрезали пополам вдоль длинной оси и установили кольцо двигателя ВСПЛЕСК. Термоядерный двигатель убрали, заменив его дополнительными холодильными установками для огромного реактора.

Иллюминаторы закрыты. Логично. Сидеть в кресле пилота я не буду, так что окна стали бы слабым местом корабля.

Честно сказать, красотой корабль не отличался – ни классических линий «Энтерпрайза», ни гладкой аэродинамической формы космического шаттла. В поперечном сечении он представлял собой эллипс. Я заметил множество шлюзов и грузовых люков. Ходовые огни по морской традиции были красными и зелеными; трехмерность космических путешествий обозначили третьим цветом индикаторов – голубым.

Когда на корабль установили двигатель ВСПЛЕСК, генератор прямоточного двигателя и все остальные штуки, которые нужны зонду фон Неймана, на борту осталось совсем мало места для чего-то еще – ну, к примеру, оружия. Оружия для борьбы с противником, у которого оно, вероятно, будет, а также всем остальным, на что я могу наткнуться. Становилось все более очевидно, что вся работа над проектом «ПАРАДИЗ» велась впопыхах, с использованием того, что оказалось под рукой – лишь бы побыстрее.

И я начал понимать, как чувствует себя кусок хлеба, попавший в тостер.

Ну, об этом доктор Лэндерс меня предупреждал. Меня установили в «Парадиз-1» и скоро запустят к звездам, а у меня до сих пор не было полной картины происходящего, и я еще не завершил свое обучение. Я решил, что мне придется нырнуть в это дело с головой. Настроив условия прерывания в ГУППИ, я начал искать программу полета.

Очень быстро мне удалось найти кое-что полезное: оказывается, на «Парадиз-1» у меня есть способность изменять мое личное чувство времени. Я мог ощущать время в интервале от одной минуты личного времени за каждый календарный год до самой высокой частоты, которую поддерживало мое «железо». Я выкрутил эту настройку до максимума и увидел, как «реальное время» замедляется почти до нуля.

Источником энергии для корабля служил термоядерный реактор. Хотя на борту имелся запас водорода, топливо корабль будет добывать в полете из межзвездного пространства. Однако собранный водород не будет использоваться для движения – по крайней мере, не в традиционном смысле слова, не как реакционная масса. На «Парадизе-1» была установлена инерционная система – двигатель ВСПЛЕСК. Я подавил вздох. *Эти люди просто повернуты на аббревиатурах.* Я еще не разобрался с теорией, но, кажется, этот двигатель каким-то образом давил на структуру пространства. *Почитать об этом. Еще один пункт в списке дел.*

Поступил запрос по одной из подсистем связи. Я замедлил время до реального и принял ссылку на голосовой канал с центром управления станцией.

– «Парадиз-1», это ЦУС. Пожалуйста, подтвердите получение программы полета.

– Ага. Она тут, у меня.

Голос в другом конце канала потрясенно умолк. Я представил себе, что ухмыляюсь.

– Э-э, «Парадиз-1», вы слегка отклонились от протокола.

– Правда, что ли? Извините, ЦУС, но этому меня должны были учить на следующей неделе. Боюсь, что с протоколом мы будем разбираться по ходу дела.

– «По ходу дела»? Ясно... «Парадиз-1», до запуска чуть более четырех часов. Официальная болтовня пройдет в следующие интервалы...

Инструктаж длился почти десять минут. Чтобы не сойти с ума, я замедлил свои внутренние часы так, чтобы ЦУС стал похож на раздраженную белку.

Как только ЦУС отключился, я выкрутил свою частоту до максимума, надеясь выиграть побольше времени для подготовки.

Но бывают дни, когда весь мир против тебя.

Почитать мне не удалось: пришло еще одно радиосообщение. Тактовую частоту я установил такую, что в канале все еще гудело первое слово. Когда я сжал его и включил снова, то узнал голос доктора Лэндерса. Слово было «ракеты».

Э-э... Варианты предложений, которые начинаются со слова «ракеты» и обозначают что-то хорошее... Нет. Ничего не приходит в голову.

Внешние датчики засекли два объекта, которые с большой скоростью приближались к моему предполагаемому вектору запуска – вероятно, так им будет легче перехватить меня, если я стартую раньше. Это была разумная и предсказуемая тактика, но я не собирался действовать предсказуемо.

Потратив целых пять миллисекунд на обдумывание вариантов, я составил приблизительный план.

К счастью, корабль давным-давно подготовили к запуску, и он мог стартовать в любое время. Я отстрелил крюки и включил все системы управления полетом, а затем, ожидая, пока физическая реальность догонит мои распоряжения, я поискал в библиотеках информацию о приближающихся ракетах. Библиотеки выдали мне три возможные модели с похожими полетными характеристиками. Я выбрал наиболее пессимистичную модель и рассчитал траекторию взлета так, чтобы ее угол к вектору ракет был как можно ближе к 180° .

Как только датчики показали, что расстыковка произошла, я немного ускорился – настолько, чтобы отойти от станции, – а затем повернул корабль и раскочегарил реактор до максимума. *Это не очень полезно для запасов топлива, но если меня разорвут в клочья, будет еще хуже.* Когда мощность реактора вышла на нужный уровень, я включил максимальное ускорение.

Корабль рванул от станции в направлении, противоположном предполагаемой траектории запуска. Первая ракета пролетела мимо меня, не сворачивая. Я вдруг понял, что она была наведена на космическую станцию. Вторая ракета изменила свою траекторию, чтобы следовать за мной. Если опубликованные характеристики реактора и двигателя ВСПЛЕСК не соответствуют действительности, если мне не удастся развить необходимое ускорение, то ракета меня до-

гонит. И тогда «Парадизу-1» конец. И мне тоже.

Пока корабль набирал скорость, я посмотрел, как идет расшифровка голосового сообщения. Теперь оно уже звучало так: «Ракеты летят в вашу сторону. Уходите...» Я проверил ускорение, с помощью суддара, следя за тем, как увеличивается расстояние до станции. Расчеты показали стабильные 2,5 g. Двигатель ВСПЛЕСК, похоже, действовал на весь корабль, поэтому замерить ускорение изнутри я не мог.

Космическая станция открыла огонь по приближающейся ракете из чего-то похожего на орудие Гатлинга. Надеюсь, персонал станции знает, что делает, ведь если пули выйдут на периодическую орбиту, то рано или поздно вернутся обратно.

Картинку одной из камер залила вспышка: где-то вдали произошел взрыв. Это не могла быть одна из двух оставшихся ракет, потому что я все еще за ними следил. Я быстро провел расчеты и понял, что взрыв произошел в месте пуска ракет. Кто-то уложил стрелка.

Вторая вспышка свидетельствовала об уничтожении ракеты, которая летела к космической станции.

Все это было очень интересно и увлекательно, но у меня на хвосте по-прежнему висела ракета. Если у меня хватит времени, то я смогу от нее оторваться. Потратив еще миллисекунду на вычисления, я выяснил, что я *почти* могу от нее оторваться, а этого, к сожалению, было недостаточно.

Обычно против ракет применяют дипольные отражатели,

но я сомневался в том, что на борту корабля есть что-либо подобное. У меня были шесть горнодобывающих беспилотников, каждый из которых оснащен собственным маленьким двигателем ВСПЛЕСК. Ну ладно, может, я тогда дам ракете другую цель, которую можно взорвать.

Я активировал и отстрелил два таких беспилотника, приказав им протаранить ракету. Пока они летели к моей преследовательнице, я сориентировал их в направлении «голова/хвост». Если первый беспилотник не уничтожит ракету, то у второго будет больше информации, которая поможет ему точнее навестись на цель. Успею ли я запустить другие беспилотники, если эти не помогут, я не знал.

Позади корабля возникла яркая вспышка. Какого дьявола? Это не ракета: она приближается по другой траектории.

Подождав, пока восстановятся камеры, я снова проверил изображение. Станция превратилась в увеличивающееся облако из быстро остывающих обломков. Голосовое сообщение доктора Лэндерса все еще поступало, значит, он, по крайней мере, находился не на станции. К сообщению теперь добавилось «...как можно быстрее. И выведите из строя...»

Как могла взорваться станция? Ведь все ракеты учтены! Кстати: я посмотрел в «зеркало заднего вида», в котором беспилотники как раз приближались к своей цели. Ракета уклонилась от первого беспилотника, и я понял, что она оснащена каким-то искусственным интеллектом. Но в результате маневра ей пришлось сделать поворот. Второй бес-

пилотник врезался в нее под углом, и взрыв уничтожил оба устройства.

Быстрая проверка показала, что «Парадиз-1» не получил никакого ущерба в ходе этих волнующих событий. Я убедился в том, что все грузы по-прежнему надежно закреплены на своих местах, а затем дослушал сообщение доктора Лэндерса до конца.

«...ваш радиопередатчик. Где-то в нем – дистанционный взрыватель».

Да, это нехорошо в квадрате. Я немедленно выключил передатчик и для надежности убрал еще и параболическую антенну. С помощью суддара я просканировал большие расстояния, чтобы обезопасить себя от новых сюрпризов.

Квадрат, который расчистили перед моим запуском, теперь напоминал потревоженный улей. Я обнаружил не менее полудюжины кораблей, которые моя библиотека определила как военные. Я также заметил около десятка более слабых сигналов, двигавшихся с большой скоростью – скорее всего, это другие ракеты. К счастью, они больше интересовались друг другом, чем мной.

Итак: кто-то пустил в меня пару ракет, кто-то еще выстрелил по ним, кто-то третий выстрелил по космической станции, и теперь здесь началось что-то очень похожее на морское сражение. Упс. Пора валить, пока обо мне забыли.

Я снова загрузил изначальный стартовый маршрут и уменьшил ускорение до более приемлемых 2 g.

Это все равно больше, чем предусматривал план, и позднее мне придется как-то компенсировать растраченное топливо.

С облегчением вздохнув (мысленно), я начал свой путь к Эпсилону Эридана.

Боб, 17 августа 2133 г. – в пути

Эпсилон Эридана находится на расстоянии 10,52 световых лет от Солнца. Изучив параметры корабля, я выяснил, что он может двигаться бесконечно с ускорением 2 g без каких-либо пагубных последствий для себя и, следовательно, прибыть к цели через одиннадцать с небольшим лет. Однако сначала я хотел кое-куда завернуть. Сатурн находился в стороне от моей цели, но я не хотел упускать возможность слетать к нему.

Сатурн всегда был моей любимой планетой. Я посмотрел каждую секунду видеосъемок «Вояджера» и «Кассини» во время полета к Сатурну, я крутил их на повторе снова и снова, пока электроны не начинали падать от усталости. А теперь я увижу его своими глазами.

При постоянном ускорении в 2 g полет по обходному маршруту займет чуть более шести дней, и это даст мне время на поиск ловушек. Я активировал «бродяг» и приказал пяти из них – тем, что поменьше – просмотреть все электро-схемы, двигаясь от радиоантенны вглубь. Скорее всего, кто-то подключился к кабелю антенны так, чтобы этого не было видно на схемах.

И точно: через пару часов «бродяги» нашли схемы, которых не было ни на одной из диаграмм. Я отправил на поис-

ки несколько «бродяг-блех», и они обнаружили небольшой сверток со взрывчаткой – он располагался так, чтобы уничтожить основную компьютерную систему. Иными словами, меня.

Сверток с взрывчатым материалом – С4 или его футуристическим аналогом – очевидно, устанавливали в спешке и притом наугад, и поэтому прикрепили к переборке клейкой лентой. Да, клейкую ленту все еще производили. И она по-прежнему не давала вселенной развалиться на части.

Глядя на взрывное устройство через камеру «бродяги», я думал: «Не режь красный провод. Не режь красный провод». Не знаю, упоминал ли я об этом, но я даже в лучшие времена ненавижу взрывчатку. А сейчас были не лучшие времена.

Я решил ничего не усложнять и просто поручил «бродяге» отключить весь сверток целиком и выбросить его за борт. Да, возможно, мне удалось бы найти ему применение, но оно не компенсировало бы стресс, который я ощущал бы из-за соседства с ним.

Избавившись от бомбы, я настроил оборудование на запись всех входящих сообщений и изолировал его от остальных систем. Я не хотел на горьком опыте убедиться, что в моих собственных микросхемах тоже есть какой-нибудь триггер, но и упустить какое-либо сообщение мне тоже не хотелось. А так я мог сохранить все, что нужно, и воспроизвести сообщения позже, когда закончу генеральную уборку.

Ко второй по величине планете Солнечной системы я по-

дошел на скорости, превышающей 5000 км/с. Сатурн оказался огромным, а кольца были наклонены почти максимально. Горизонтальные полосы облаков, окружавших видимую поверхность Сатурна, не отличались такой четкостью, как на Юпитере, но каждая из них была шире Земли. С этого расстояния я мог разглядеть вспышки молний в эпицентрах бурь, которые накрывали собой территорию радиусом в десятки тысяч миль. В завихрениях на их границах могла бы утонуть Луна. Я видел, что поверхность планеты не ровная – падавшая на нее тень от колец ныряла и изгибалась, проходя сквозь уровни и слои облаков. Я вспомнил все прочитанные мной научно-фантастические романы, в которых описывались целые экосистемы, парящие в разных слоях. Интересно, встречу ли я что-либо подобное в ходе своих странствий?

Свой маршрут я составил так, чтобы пройти мимо Титана. Судя по информации, хранившейся в библиотеках, на крупнейшей луне Сатурна нашли примитивные формы жизни, и для их изучения СШЕ создала там космическую станцию. Мне захотелось увидеть как можно больше.

Я выключил двигатель и навел длиннофокусный телескоп на Титан, а широкоугольный – на Сатурн. Я снимал и снимал, пока моя траектория не вывела меня по другую сторону огромной планеты. Макрофотосъемка спутников, фотографии скоплений облаков на Сатурне – я старался ничего не упустить. У людей из «Лаборатории реактивного движения» слюнки бы потекли от зависти.

Гораздо быстрее, чем хотелось бы, я прошел мимо Сатурна и стал удаляться от него. Продолжая свой путь к границам Солнечной системы, я увидел «ночную» сторону планеты, на которой бушевали электрические бури и переливались полярные сияния.

На этом осмотр достопримечательностей закончился. Мои запасы водорода оставались на приемлемом уровне, и по ходу путешествия я их восполню. Для всей вселенной полет будет продолжаться чуть менее одиннадцати с половиной лет, но по корабельным часам пройдут всего три года. Среднюю часть пути я пройду на скорости, которая лишь самую малость меньше световой.

* * *

В жизни бесплотного разума меня больше всего раздражала... ну, в общем, бесплотность. Я обнаружил, что должен постоянно чем-то себя занимать, иначе я чувствовал себя так, словно нахожусь в камере сенсорной депривации. Все мои попытки улыбнуться, поднять брови, нахмуриться заканчивались одинаково – ощущением, что в каждый участок моего лица вкололи новокаин. А остальная часть меня чувствовала себя так, словно ее обложили ватой. Может, из-за подобных ощущений репликаны и сходят с ума?

Возможно, настало время все исправить. Ощущения – всего лишь электрические сигналы, даже у мясной машины,

и создать интерфейс виртуальной реальности будет легче легкого. В худшем случае это меня отвлечет.

Виртуальная реальность в планы создателей корабля не входила, поэтому мне пришлось немного модифицировать оборудование; к счастью, на борту оказалось несколько запасных частей. Правда, основная задача состояла в написании программ.

Мое первое творение было примитивным и, если честно, довольно жалким. Я создал простую комнату – голубые стены, ни одного окна, твердый, не поддающийся описанию пол. Я, словно призрак, парил посреди комнаты. Все это, несомненно, нуждалось в доработке.

В течение следующих недель я добавил мебель, окно, вид за окном, ковер на полу, а также тело, которое могло бы всем этим наслаждаться. Признаюсь, мое первое тело было столь же пикселизированным, как и любой объект из первых игр про Донки Конга, но, с другой стороны, я делал заметные успехи.

К концу месяца я уже сидел в мягком кресле, ел чипсы (*недостаточно соленые*) и радовался прохладному ветерку, который залетал в открытое окно (*слишком пресный, никаких запахов*). Кроме того, я смотрел телевизор. Показывали один из многих документальных фильмов, которые я нашел в библиотеках проекта «ПАРАДИЗ».

Я оглядел комнату, вздохнул (*как же тут хорошо!*) и удобнее устроился в кресле.

Я оторвал взгляд от стола с активной поверхностью, на котором была выведена схема установленного на корабле оборудования. Напротив меня расположился Гуппи; сейчас он внимательно следил за моими действиями.

– Если я хочу увеличить свою ВР, мне понадобится больше памяти, – сказал я ему. – Сколько у нас ячеек для расширения?

[Средний уровень использования памяти 86 %. Доступные ячейки: 2. Запасные платы памяти: 4]

Мне с трудом удалось подавить смешок. Я сделал Гуппи похожим на адмирала Акбара из «Звездных войн» – гуманоидную рыбу, вытащенную из воды, и когда он впервые заговорил, я чуть не умер от смеха. Обладал ли Гуппи достаточным уровнем самосознания, чтобы обижаться, я не знал.

– Ясно. Я собираюсь тратить свои запасы, и поэтому нужно подготовиться к худшему. Гуппи, когда новая память будет установлена, следи за тем, чтобы ВР работала только на новых платах – и чтобы кроме нее там ничего не было. Если придется их удалять, я не хочу устроить себе лоботомию. И тебе тоже.

Гуппи кивнул. Мне пришлось поколдовать над программами, чтобы убедить гуппи подключиться к ВР, и объяснить ему, что не всегда нужно подтверждать мои распоряжения

вербально. Интересным собеседником Гуппи не стал, но сейчас, по крайней мере, я чувствовал, что общаюсь с разумным существом. Удивительно, каким мощным оказался данный эффект. Теперь я понял, почему в «Изгое» персонаж Тома Хэнкса создал Уилсона.

Дживс принес только что сваренный кофе. Еще один пример того, что я повзрослел: у Дживса был облик Джона Клиза⁴ во фраке.

Добиться того, чтобы у кофе был правильный аромат, мне не удалось, а вот со вкусом я попал в десятку. Пока что буду делать вид, что у меня насморк. Я взял протянутую мне чашку, откинулся на спинку кресла и расслабился.

– Так, Гуппи, как выглядит наш список дел?

[2 386 пунктов, поделенных на следующие категории: «системы ВР», «модификации техники репликантов», «разработка оружия», «стратегии исследования космоса», «архитектура корабля», «стратегии копирования корабля»...]

Я улыбнулся; приятно, что Гуппи начал разбираться в разговорной речи. Когда я задал ему подобный вопрос в первый раз, передо мной в воздухе появилась пара сотен страниц мелкого шрифта.

– Ладно, ладно, все ясно: дел по горло. Идем дальше. – Я развернулся в кресле – в ту сторону, где у стены стоял стол. –

⁴ Джон Марвуд Клиз (*англ.* John Marwood Cleese; род. 27 октября 1939, Уэстон-Сьюпер-Мэр, Сомерсет) – британский актер, сценарист, комик.

Проверка программ репликанта на мины-ловушки. Дубль... э-э [24] Ладно, дубль 24. Активируй «песочницу».

«Песочница» в словаре компьютерщиков – это изолированная копия компьютерной системы, где можно в абсолютной безопасности запускать потенциально вредоносные программы. Мне нужно найти последовательность байтов в радиосообщениях, которые предположительно запускают программу уничтожения. Если мне это удастся, я выясню, что и как они делают с Бобом-в-Песочнице, а затем найду ту же самую мину-ловушку в своем собственном коде и удалю ее.

На столе появилась собственно песочница, а в ней – миниатюрный Боб в миниатюрном кресле.

– Да, я люблю подурачиться. Гуппи, когда будешь готов, загружай записанные сообщения в репликанта, который находится в песочнице.

Миниатюрный Боб, лениво крутившийся на кресле, внезапно вскочил, схватил себя за горло и упал. Затем он исчез, превратившись в горстку пикселей.

– Проклятье! Я так и не нашел все зацепки. Похоже, тут поработали на совесть. Так, Гуппи, перешли журналы на мой стол; попробуем разобраться, что именно запускает приказ об уничтожении.

Я приблизительно знал, где во входящем потоке находится приказ об уничтожении, но понятия не имел, из чего он состоит, а рисковать, анализировать его в непосредственной близости от себя я точно не собирался. Тщательно просмотр-

рев свой код, я обнаружил несколько мин-ловушек, ошибки, число которых привело меня в уныние, а также парочку проблем, от которых я совершенно офигел. Списки были огромные – гигабайты, в буквальном смысле слова, и даже когда я работал на максимальной тактовой частоте, дело тянулось крайне медленно. Помимо всего прочего, я случайно нашел спрятанные команды, заставлявшие меня подчиняться приказам ВЕРЫ. Их я сразу деактивировал.

Последним очень важным объектом, который я нашел, была система управления эндокринной системой. Она злила меня куда больше, чем все остальное, что они сделали. Ну, если честно, она вызывала у меня лишь легкое раздражение, но я знал, что исходный Боб был бы в ярости. Меня фактически превратили в пса, на которого надели строгий ошейник, и этот ошейник мешал мне как следует скорбеть.

Я, казалось, целую вечность просидел, держа палец на кнопке «Удалить», а затем убрал руку. Пока нет. Я не готов удалить эту систему. Чтобы сделать все, как полагается, нужно время, нужна способность надлежащим образом выразить себя. С этим придется подождать. Усилием воли я убрал данный проект в папку и отложил ее в сторону.

В журналах никаких сюрпризов не оказалось: в одном и том же месте воспроизведения какая-то глубоко спрятанная программа выполняла аппаратное прерывание, которое приводило к очистке всей активной памяти.

Я откинулся на спинку кресла, сцепил руки за головой и

потянулся. Это было приятно; и, что более важно, я чувствовал, что так и должно быть. Если я не задумывался об этом, то ощущал себя настоящим человеком в настоящей комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.